ИСТОРИЯ УДМУРТИИ

XX век

Российская академия наук
Уральское отделение
Удмуртский институт истории, языка и литературы

ИСТОРИЯ УДМУРТИИ

XX век

Ижевск
2005

УДК 9(с)143
ББК 63.3(2Рос.Удм)
И90

Книга издана при финансовой поддержке Правительства Удмуртской Республики

Редакционная коллегия:

Л. Н. Бехтерева, канд. ист. наук, *О. И. Васильева*, канд. ист. наук, *М. В. Гришкина*, д-р ист. наук, *К. И. Куликов*, д-р ист. наук (главный редактор), *Н. А. Родионов*, канд. ист. наук

Авторы:

О. И. Васильева (введение, главы 1–3); *П. Н. Дмитриев* (глава 1); *К. И. Куликов* (глава 1); *Л. Н. Бехтерева* (введение, главы 2, 6, 8); *И. К. Калинин* (глава 2); *Н. А. Родионов* (введение, главы 3–5, 7); *В. С. Воронцов* (глава 3); *С. Л. Бехтерев* (глава 8)

Рецензенты:

кафедра отечественной истории новейшего времени УдГУ, д-р ист. наук, проф. А. В. Сперанский, канд. ист. наук, доц. В. С. Иванов

История Удмуртии: XX век / Под ред. К. И. Куликова; введение О. И. Васильевой, И90 Л. Н. Бехтеревой, Н. А. Родионова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2005. 544 с.: ил. + цв. вкл.

ISBN 5-7691-1649-8

Авторы книги попытались научно обобщить исторические знания об Удмуртии XX в. как на основе анализа и переосмысления фактического материала, представленного предшествующей историографией, так и на основе новых архивных источников, введенных в научный оборот. Это дало возможность осветить важнейшие этапы исторического развития Удмуртии. Большое внимание уделено становлению государственности, социально-экономическим и общественно-политическим процессам. Широко представлена панорама культурной жизни. Даны исторические портреты ряда известных деятелей.

Издание содержит редкие фото- и архивные документы, иллюстративный материал.

Книга предназначена для научных работников, преподавателей, учащихся и всех интересующихся историей Удмуртии.

ISBN 5-7691-1649-8

УДК 9(с)143
ББК 63.3(2Рос.Удм)

© Институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2005
© Авторы, указанные на обороте титульного листа, во введении, в первой и второй частях книги, 2005

Октябрьская революция и Гражданская война в Удмуртии

Становление советской власти. Победа Октябрьской революции превратила в уверенность существовавшее в общественном сознании, особенно у образованной части общества, предчувствие неизбежности Гражданской войны. "Брат восстал на брата, сын на отца...", – писала в библейском духе сарапульская газета "Кама" 8 ноября 1917 г. Мысль об этом в равной мере тревожила и волновала представителей различных политических течений и не ангажированную в партийном отношении часть населения[40]. Ожидание кровавых потрясений отражало нарастающий в обществе раскол.

В Удмуртии процесс установления советской власти в основном разворачивался мирно, но усиливающееся напряжение в отношениях различных общественных групп обнаруживало себя вспышками анархии и насилия. Их пик в деревне пришелся на конец октября – ноябрь 1917 г., период безвременья, когда обанкротившаяся старая власть утратила свои позиции, а новая лишь начинала создаваться. В тех волостях края, где были помещичьи имения, крестьянская ненависть к их владельцам прорывалась в погромах. Их было меньше, чем в губерниях с развитым помещичьим землевладением, но по характеру они были столь же разрушительными. Газетные сообщения о нападениях крестьян на имения напоминают фронтовые сводки. Помещичьи дома и постройки были сожжены, а имущество разграблено в Арзамасцевской волости Сарапульского и некоторых волостях Елабужского уездов. По сообщениям с мест беспорядки затронули и волости, где помещичьих усадеб не было. В деревнях Кадыбаш и Деветерня Исенбаевской волости, Сарапульского уезда, по сведениям местной газеты, отмечены "сплошные погромы" и грабежи, среди жителей оказались убитые[41].

Если крестьянские выступления носили, как правило, стихийный характер, то борьба в городах и заводских поселках была более организованной и осознанной. Гражданское противостояние здесь явилось результатом деятельности вполне определенных политических сил. Октябрьскую революцию местные меньшевики, правые эсеры и кадеты встретили как авантюру с гибельными последствиями для страны накануне выборов в Учредительное собрание. Они считали, что Россия еще не созрела для социализма, ее ближайшая перспектива – буржуазно-демократическая республика.

В конце 1917 г. – начале 1918 г. партийно-политическая система Удмуртии подверглась изменениям. Прекратили существование немногочисленные местные организации кадетской партии. Их исчезновение явилось исходной точкой в движении к однопартийной системе. Круг участников легальной политической жизни отныне был ограничен социалистическими партиями. Они делились на неонароднические – правые и левые эсеры, эсеры-максималисты и на социал-демократические – большевики и меньшевики, а также малочисленные и не играющие значительной политической роли анархисты. Как правотак и левосоциалистические организации в Ижевске и Воткинске с начала существования ориентировались прежде всего на рабочих. В составе этих организаций они постоянно преобладали.

Разное соотношение сил придавало борьбе на местах за власть Советов большое своеобразие. В Ижевске большевики в блоке с максималистами, а в Глазове – с левыми эсерами имели большинство в Совете, поэтому октябрьские события лишь закрепили их победу. В Ижевске новый исполком Совета возглавил большевик В. С. Жечев, в Глазове – И. Я. Шубин. В Камбарке к власти пришел эсеро-максималистский Совет (председатель – максималист П. Ф. Щекатуров). В Воткинске события, хотя и носили мирный характер, но были значительно

более напряженными. Эсеро-меньшевистский Совет 27 октября 1917 г. высказался в поддержку Временного правительства в борьбе с большевистской анархией[42]. Чрезвычайное собрание Воткинского профсоюза служащих, руководимого меньшевиками и эсерами, единогласно призвало Временное правительство и Ставку Верховного главнокомандования "...к категорическому подавлению большевистского бунта"[43]. Лишь в начале января 1918 г. большевики сумели переломить ситуацию и взять власть в свои руки. Большевистский исполком возглавил Ф. А. Баклушин.

Их примеру последовал Совет крупнейшей на севере края горнозаводской Омутнинской волости. В конце января как органы власти действовали четыре уездных, два районных (Ижевск и Воткинск) и три заводских (Омутнинский, Камбарский и Сюгинский) Совета. Несколько позднее, 31 марта, волостная земская управа передала власть Совету еще в одном крупном промышленном (и волостном) центре – поселке Пудем[44].

Первые проявления вооруженного насилия были отмечены в ходе установления советской власти в Сарапуле. Накануне Октябрьской революции власть в этом уездном городе находилась у блока правых социалистов: эсеров и меньшевиков. Они тесно сотрудничали с кадетами. Позиции левых сил были чрезвычайно слабы, ограничиваясь присутствием нескольких сочувствующих большевикам и максималистам в уездном Совете рабочих и солдатских депутатов. Все это определило развитие событий после получения известий из Петрограда о победе большевиков.

Уездный комиссар Временного правительства Д. П. Попов 28 октября передал всю полноту административной власти начальнику местного гарнизона. Правосоциалистические организации сначала не согласились с передачей власти военным, но после недолгих колебаний поддержали уездного комиссара[45]. Совет рабочих и солдатских депутатов, поддержанный городской думой и земской управой, 29 октября квалифицировал события в Петрограде как антиправительственный бунт, измену родине и революции. Были приняты меры по усилению охраны города, все расходы по организации которой взяли на себя местные торговцы и заводчики[46]. Однако власть оказалась не в состоянии поддерживать порядок. Пьяный бунт охватил город 9–10 ноября. Начались грабежи, вспыхнули пожары, появились убитые и умершие от ран. Под предлогом наведения порядка в Сарапул 17 ноября прибыли две роты революционных солдат из Казани во главе с большевиком Н. Л. Андроновым, отряды ижевских и камбарских красногвардейцев, руководимые В. А. Матвеевым и И. И. Рогалевым. Предпринимались меры по укреплению обороны Сарапула. На господствующей над городом Старцевой горе были установлены пушки. Под председательством Н. Л. Андронова был создан революционный штаб, проведены перевыборы Совета. Четыре дня Сарапул находился на военном положении. Шли обыски и аресты противников нового режима, нередко с нарушениями законности: без ордеров, допускались избиения арестованных, незаконные конфискации предметов личного обихода[47].

После отъезда красногвардейцев обстановка в городе оставалась напряженной. "Рабочая масса, – писал местный большевик К. С. Дурманихин, – волновалась и не знала, куда ей пристать"[48]. Вновь усилились позиции меньшевиков и эсеров в уездном Совете и профсоюзах. В январе 1918 г. власть в городе, опираясь на поддержку правых социалистов, командование 166-го запасного пехотного полка, торговцев и промышленников, захватил начальник милиции эсер Я. Г. Сморкалов. Организация большевиков оказалась вынуждена перейти на нелегальное положение, была разогнана Красная гвардия, началась раздача оружия противникам большевиков[49].

Вмешательство ижевских, казанских и камбарских солдат и красногвардейцев

положило конец "сморкаловщине", но не антибольшевистскому сопротивлению. Вскоре была раскрыта подпольная организация "Тайный совет", обнаружены ее документы и арестованы некоторые участники. К деятельности "Тайного совета" оказались причастны представители местного торгово-промышленного капитала. Организация готовила взрыв железнодорожной линии около узловой станции Агрыз, осуществила несколько нападений на красногвардейцев, трое из которых были убиты[50]. Вероятно, с ее деятельностью связан и массовый отказ местных купцов и фабрикантов от уплаты контрибуции, наложенной революционным штабом. Штаб ответил репрессиями, и, как сообщалось в одном из документов, многие из "...буржуев поплатились жизнью"[51].

При содействии посланцев Ижевска и Казани в Сарапуле оформилась большевистская организация во главе с И. С. Седельниковым. В марте 1918 г. прошли выборы в городской Совет рабочих и солдатских депутатов, который возглавил член Центробалта эсер-максималист П. А. Красноперов.

Схожим образом складывались обстоятельства в другом уездном центре края – Елабуге. Большевистско-левоэсеровский уездный Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов взял власть в ноябре 1917 г. Но тогда он не получил достаточной поддержки у населения города и был разогнан оппозицией, объединявшей кадетов, правых эсеров и меньшевиков. В феврале 1918 г. их мятеж был подавлен сарапульско-ижевским отрядом во главе с большевиком Е. Колчиным[52]. Уездный Совет возглавил Т. К. Борисов. Действия Красной гвардии сопровождались массовым террором и грабежами. По сведениям оппозиционных источников (вероятно, завышенным), число жертв Революционного штаба и красногвардейцев достигло несколько сот человек. Среди них были офицеры, купцы, общественные деятели[53].

Идея советской власти была поддержана трудовым крестьянством Удмуртии. На волне первых аграрно-революционных преобразований, провозглашенных большевиками, процесс советизации в волостях протекал довольно быстро и мирно и завершился в основном, как и в большинстве губерний Урала и центра России, в апреле – мае 1918 г. При этом его темпы в Сарапульском уезде, заметно выделяющемся на фоне других уездов края высоким промышленным потенциалом, оказались ниже, чем в некоторых аграрных уездах[54]. Объяснение этого феномена следует искать как в традиции организации крестьянства по типу Советов, заложенной еще эсерами весной – летом 1917 г., в известной близости советской и общинной форм объединения, так и в степени результативности политики новой власти (и не только в земельном вопросе) в различных уездах.

Выборы в Учредительное собрание. Несмотря на относительно бескровную и быструю победу Советов в борьбе за власть ("триумфальное шествие советской власти", по словам В. И. Ленина), легитимизировать ее в глазах большинства населения страны могло только Учредительное собрание, выборы в которое были назначены еще Временным правительством на 12 ноября 1917 г. Впервые население России смогло принять участие в демократических (прямых, всеобщих, тайных) выборах высшего органа власти. Выборы проходили по 12 партийным спискам. Победу одержали представители социалистических партий: 62 % голосов получили эсеры, 25 % – большевики. Лишь 13 % избирателей отдали свои голоса буржуазным партиям. Примерно так же распределились голоса в Удмуртии, однако отношение к партиям внутри социалистического блока различалось в отдельных местностях: леворадикальные партии имели поддержку в крупных городах, промышленных центрах, правые и умеренные – в сельской местности. Так, в Ижевске 52,4 % голосов получили большевики, эсеры – 23,3 %, а в Сарапульском уезде – соответственно 22 и 49 %. Из Вятской губернии в состав Учредительного собрания были

избраны 16 человек, в том числе четыре от кадетской партии, шесть от эсеров, три от большевиков. Таким образом, на волне революционного подъема большая часть участвовавших в выборах высказалась в поддержку социалистических партий. Однако большинство поддержало не большевистский, радикальный, а постепенный, реформаторский, путь перехода к социализму. Тем не менее собравшееся уже после октябрьских событий (5 января 1918 г.) Учредительное собрание не смогло переломить сложившееся соотношение сил. Реальная власть находилась у большевистского Советского правительства. Воспользовавшись тем, что Учредительное собрание отказалось обсуждать предложенную большевиками Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа (1918 г.), оно приняло решение о его роспуске.

Первые мероприятия советской власти. Став правящими, Советы только начали путь к действительному полновластию. Прежде всего предстояло демонтировать старую систему власти. В декабре 1917 – феврале 1918 г. были распущены городские думы, уездные земельные комитеты, продовольственные управы, ликвидированы должности уездных комиссаров Временного правительства. В январе – апреле расформированы воинские присутствия, сломана старая судебная система, ликвидирована гражданская милиция.

Одновременно набирал силу процесс становления новой государственности. К управлению страной привлекалось огромное количество людей из низов, часто не владевших даже азами управленческой науки. Особенно остра была кадровая проблема на волостном (заводском) и уездном уровнях. Для преодоления управленческой неграмотности и помощи в строительстве власти на местах были созданы организационно-инструкторские отделы при исполкомах уездных Советов. В мае – июне 1918 г. они провели в Глазове, Елабуге и Малмыже краткосрочные курсы председателей и секретарей волисполкомов. Четырехмесячная школа для подготовки советских работников, в которой обучались более 180 слушателей, открылась в апреле при Вятском губкоме РКП(б), заработала также двухмесячная школа, готовившая секретарей волисполкомов. Едва ли, впрочем, они могли быстро восполнить небывалую потребность в управленцах. Отсюда, по свидетельству современников, огромная загруженность советских руководителей того времени и одна из наиболее распространенных просьб с мест в вышестоящие инстанции прислать работников.

В условиях острейшего политического и вооруженного противостояния на первый план в деятельности Советов закономерно выходит создание органов защиты нового строя и завоеваний революций. Милицию Временного правительства по Декрету СНК от 28 октября 1917 г. сменила рабочая милиция. В январе – феврале 1918 г. состоялись выборы народных судей и заседателей, начали действовать революционные трибуналы и следственные комиссии. В мае в Ижевске и Воткинске, затем в Сарапуле и Глазове, заводских поселках, волостных центрах для борьбы с преступлениями по должности, саботажем, выступлениями против советской власти создаются чрезвычайные комиссии. Первым председателем Ижевской ЧК стал рабочий И. И. Чекмарев, Глазовской – крестьянин Ф. Конышев[55]. Органы правопорядка нередко прибегали к помощи отрядов Красной гвардии. Они боролись с бандитизмом, участвовали в конфискации помещичьих имений и фабрик. Деятельностью правовых структур руководили юридические отделы местных исполкомов.

Важнейшей составной частью государственного строительства явилось создание Красной Армии. Первоначально она создавалась на добровольческих началах. Как и во многих других районах, к формированию красноармейских частей в Удмуртии приступили весной 1918 г. Так, на 17 апреля насчитывалось чуть более 1 070 красноармейцев, или 36,5 % общей их численности

в Вятской губернии. Приток добровольцев был более заметен в Глазове и Сарапуле. Значительно меньше их оказалось в других уездных городах и заводских центрах[56]. Причины медленного роста рядов Красной Армии отчасти были связаны с недостаточным государственным финансированием. Значительную роль сыграло негативное отношение большинства крестьян, солдат и рабочих ко всему, что, подобно армии, напоминало о "старорежимных" порядках. Очень многих пугала также перспектива быть вовлеченными в Гражданскую войну. Эта была позиция тех значительных слоев трудящихся, которые в расколотой, поляризованной России пытались держаться центристских, нейтральных убеждений[57].

Сложный путь обретения Советами на местах действительного полновластия отражался в изменении отношения к ним со стороны рабочих и крестьян. Постепенно в их сознании утверждалось представление о Советах как о государственных органах, близких (насколько это вообще возможно) трудящимся. Ослабевала отчужденность в отношении к власти. Сближению способствовала повседневная практика деятельности Советов: еженедельные отчеты депутатов перед избирателями, возможность отозвать любого из них, открытость и доступность власти. Поэтому крепнет доверие к ней. Свидетельство тому – рост обращений жителей в советские органы. Только за первую декаду марта 1918 г. отделы Глазовского уездного исполкома посетили более 2 тыс., а Ижевского – свыше 3 тыс. человек[58].

Возросшая доступность власти делала ее, впрочем, более уязвимой и зависимой от воли избирателей, что при отсутствии традиций и опыта демократического контроля за деятельностью местных органов нередко формировало у рабочих и крестьян стремление к тотальной и мелочной опеке над Советами. И тогда, как это было зимой – весной 1918 г. в поселке Омутнинского завода, Совет практически лишался права самостоятельно принимать решения и нести за них ответственность, поскольку определяющее слово оставалось за общим собранием граждан[59]. Отсюда получившая довольно широкое распространение (особенно в сельской местности) практика частой смены состава Советов, затруднявшая их работу.

Экономическая политика Советов. Сразу после прихода к власти Советы встали перед необходимостью проведения экономических преобразований, направленных на создание нового общественного порядка. Сложность этой задачи заключалась не только в том, что они еще не имели аппарата для ее решения, но и в необходимости осуществлять реформы в обстановке экономического развала, порожденного многолетней войной и усугубленного революционным кризисом.

Пагубные последствия лихолетья не миновали и Удмуртию. Катастрофически упало промышленное производство. По сравнению с последним кварталом 1916 г. его валовая продукция уменьшилась к концу 1917 г. на 36,5 %. Особенно острый кризис переживали частные предприятия ведущих отраслей промышленности края: металлургическое производство сократилось почти наполовину, кожевенное – на 37,3 %[60]. Это было следствием нарушенных межхозяйственных связей, участившихся перебоев в поставке сырья и топлива, задержек с вывозом готовой продукции.

Положение усугубила поспешная и непродуманная демобилизация военной промышленности, начатая советским правительством в конце 1917 г. Был закрыт снарядный цех в Воткинске. Угроза сокращения производства нависла над Ижевским заводом. Известие об этом было крайне отрицательно встречено рабочими и местной властью[61]. Свертывание военных производств повлекло рост безработицы. На исходе марта 1918 г. в Воткинске насчитывалось только зарегистрированных безработных около 1 тыс., а в Ижевске – 4 тыс. Их количество заметно увеличилось в Сарапуле, на заводах Северо-Вятского

горного округа, в других населенных пунктах Удмуртии[62].

Затруднительным было и положение тех, кто имел работу. Падала их реальная заработная плата. На Ижевском сталеделательном и оружейном заводе, который традиционно относили к числу уральских заводов с наиболее высокой оплатой труда, среднемесячный заработок рабочего составлял лишь 40 % от уровня 1913 г. Между тем стоимость продовольствия росла непрерывно и стремительно. Если на 1 июля 1914 г. пуд ржаной муки стоил 85 коп., то в марте 1917 г. – уже 4 руб. 20 коп., стоимость пуда мяса поднялась с 4 руб. 80 коп. до 24 руб. В среднем за указанный период цены выросли на 377 %[63]. В дальнейшем рост цен продолжался. В этих условиях острейшей проблемой становилась несвоевременная выплата зарплаты. На Ижевском заводе к 1 марта 1918 г. задолженность по зарплате достигла 900 тыс., а на Воткинском к 1 апреля – 1 100 тыс. руб.[64]

Сложным было положение в сельском хозяйстве. По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г., по Вятской губернии по сравнению с довоенным периодом средний посев на одно хозяйство уменьшился на 20,7 %, наблюдалось почти такое же падение поголовья скота[65]. Ситуацию значительно обострил недород в 1917 г. Особенно пострадал Глазовский уезд. Не вполне удовлетворительным был урожай в Сарапульском уезде, лишь относительно хорошим – в Елабужском и Малмыжском уездах.

Поэтому продовольственное положение в промышленных городах и поселках Удмуртии, хотя и медленнее, чем в большинстве рабочих центров горнозаводского Урала, постоянно ухудшалось. Особенно тяжелым оно было в заводских поселках Северо-Вятского горного округа. Продовольственная проблема здесь уже в начале зимы оттеснила на второй план все другие вопросы. "Положение критическое ...хлеба нет, едят картофель", – отмечал, выступая на IV Глазовском уездном съезде Советов 21 января 1918 г., представитель Пудемской заводской волости правый эсер П. И. Огнев. Ему вторил делегат Омутнинского Совета А. И. Гостюхин: "Положение с продовольственным вопросом плачевное. Завод предлагает обменивать железо на хлеб"[66].

Обстановка в промышленных центрах юго-восточной части Удмуртии, смежной с хлебородными уездами Вятской, Пермской и Уфимской губерний еще оставалась устойчивой. Однако и здесь, хотя и не так быстро, как на севере края, продовольственный кризис разрастался. Ухудшение наметилось на исходе зимы 1918 г. На расширенном заседании продовольственного отдела 15 февраля с участием представителей местных кооперативов, торгово-промышленного союза и сельских обществ Ижевска было прямо указано на грозящий населению голод. Воткинский Совет 31 марта 1918 г. предпринял чрезвычайные меры. Он обязал жителей, имеющих "излишки" муки сверх установленных норм, сдать их в продовольственный отдел. Как и многие другие предприятия России, Воткинский, а вслед за ним Ижевский заводы перешли к обмену плугов, металла, другой мирной продукции на хлеб[67].

Прогрессирующий социально-экономический кризис с первых дней существования новой власти начал активно воздействовать на осуществление структурных реформ в народном хозяйстве. Известно, что советское государство избрало курс на постепенное овладение основными отраслями экономики, прежде всего промышленностью. В первые дни существования в его руки перешли крупнейшие казенные предприятия Удмуртии – Ижевский и Воткинский заводы.

Как переходная мера к национализации частной промышленности намечалось создание смешанных государственно-капиталистических предприятий. Первым шагом на этом пути явился Декрет ВЦИК от 27 (14) ноября 1917 г. о введении на предприятиях рабочего контроля. Он

охватывал производственную, финансовую, коммерческую и другие стороны их деятельности и должен был осуществляться выборными рабочими организациями с участием представителей от служащих и инженерно-технического состава. За невыполнение решений органов рабочего контроля владельцы предприятий могли быть привлечены к суду. Большевики рассматривали рабочий контроль как важнейший шаг к постепенному овладению пролетариатом искусством управления промышленностью.

Декрет никого не оставил равнодушным. Меньшевики и правые эсеры заговорили об анархическом характере рабочего контроля, эсеры-максималисты настаивали на скорейшей социализации частных предприятий. Крайне враждебно встретили Декрет фабриканты и заводчики, расценив его как первый шаг в наступлении на свои права. Они ответили экономическим саботажем. "Сарапульские заводчики, – писала газета "Прикамье" 4 октября 1918 г., – как и все другие, тотчас же приступили к выгрузке своих капиталов из кредитных учреждений, к сплошной массовой продаже готовой обуви, кожевенного товара, разных материалов и припасов". Решения общезаводского комитета отказались выполнять частные ружейные фабриканты в Ижевске: И. Ф. и В. И. Петровы, А. Н. Евдокимов, Н. И. Березин и Колпаков. Так же действовали владельцы Сюгинского стекольного завода А. П. Сырнев и С. А. Шишков в Елабужском уезде.

Саботаж хозяев ряда предприятий, да еще в обстановке всеобъемлющего экономического кризиса, сделал вполне реальной угрозу остановки производства и поголовной безработицы и усилил антибуржуазные настроения рабочих. В Ижевске осенью 1917 г. – в начале зимы 1918 г. рабочие-печатники, поощряемые эсерами-максималистами, явочным порядком отобрали у владельцев типографии и передали их Совету, чем застали большевиков врасплох. Совет признал такой шаг несвоевременным и решил вернуть типографии их хозяевам. Типографии, впрочем, так и остались советскими[68], поскольку позиция местных большевиков в вопросе о национализации частной промышленности вскоре заметно полевела, сблизившись с мнением рабочих и максималистов.

Масштабы процесса обобществления промышленности в Удмуртии, как и по всей стране, заметно расширились, приобретая организованный характер. Местные Советы, фабзавкомы и профсоюзы приступили к конфискации частных предприятий. Общезаводской комитет Ижевского оружейного и сталеделательного завода 30 января 1918 г. принял решение об изъятии кожевенных, оружейных, металлургических предприятий и имущества их владельцев, узаконенное 31 января исполкомом Совета. Его выполнение было возложено на коллегию при исполкоме по конфискации частных фабрик, имущества и ценностей, принадлежащих капиталистам. Она действовала жестко и решительно. За отказ фабрикантов предоставить описи имущества, сырья и топлива, имеющихся на предприятиях, коллегия опечатала их склады и провела инвентаризацию имущества[69].

В более сложных и своеобразных условиях действовали рабочие организации в Сарапуле. Их инициатива сковывалась тем, что вплоть до конца января 1918 г. власть и уездный Совет в городе находились в руках правых социалистов. Организации большевиков и максималистов лишь создавались, были слабы и маловлиятельны. Поэтому рабочие не могли рассчитывать на поддержку Совета. Тем не менее, опираясь на Декрет о рабочем контроле, в декабре 1917 г. – феврале 1918 г. фабрично-заводские комитеты, возглавляемые Центральным рабочим комитетом, созданным при Сарапульском исполкоме, постепенно взяли в свои руки руководство кожевенно-обувными предприятиями в Сарапуле[70].

Пик конфискационных мероприятий пришелся на зиму – весну 1918 г. Они охвати-

ли все уезды Удмуртии. В апреле рабочие обобществили заводы Северо-Вятского горного округа, Сюгинский завод. К концу апреля 1918 г. в Глазовском уезде было 8 национализированных металлургических предприятий, в Малмыжском – 22 предприятия мыловаренной, писчебумажной, винокуренной и смолодегтярной промышленности, 10 больших вододействующих паровых мельниц, в Елабужском уезде в июне 1918 г. были национализированы Бондюжский и Кокшанский химические заводы[71].

Процесс обобществления стремительно разворачивался в Камбарке, где у власти находился Совет, возглавляемый максималистами (председатель П. Ф. Щекатуров). В декабре 1917 г. он конфисковал крупнейшее предприятие Осинского уезда – металлургический завод, затем приступил к изъятию запасов железа у крупных кустарей, многих из них обложил единовременным налогом. При его деятельном участии были отобраны у владельцев в соседней Ершовской волости все промышленные предприятия. Однако сверхбыстрое и непродуманное обобществление нарушило деятельность многих кустарных мастерских, работа на хозяев которых служила источником существования основной массы жителей Камбарки и окрестных деревень. На открытый протест решилась группа из 40 рабочих мастерской крупного кустаря И. Ф. Бибикова. Попытка объяснить руководителям Совета непродуманность их действий натолкнулась на жесткий отпор. По убеждению председателя волостного исполкома, "они взяли линию не в интересах рабочего класса". Как застрельщик был арестован А. Петров[72].

Недовольство рабочих, других жителей поселка продолжало расти. Оно обострялось бесконтрольными реквизициями товаров, предметов домашнего обихода, продовольствия, проводимыми исполкомом и Красной гвардией. В начале марта зазвучали требования к Совету дать отчет о судьбе конфискованного имущества. По поселку ходили слухи о готовящемся разоружении жителями членов исполкома и Красной гвардии. На общепоселковом митинге, собравшем около 1 тыс. человек, 22 марта произошло столкновение с красногвардейцами, один из которых был тяжело ранен. Красная гвардия разогнала митинг. Один из его участников был убит. Власти арестовали около 400 человек, 12 – расстреляли[73]. Трагический исход митинга привел к тому, что протест приобрел скрытые формы. Ропот и недовольство, а иногда и сомнение в оправданности передачи предприятий в общественную собственность высказывались частью рабочих и в других районах Удмуртии.

Одновременно с обобществлением промышленности шла национализация водного транспорта. В апреле 1918 г. в собственность государства перешли пароходы, имущество и предприятия "Товарищества Гирбасова и К°" и акционерного общества Вахрушева.

В соответствии с Декретом ВЦИК от 27 (14) декабря 1917 г., объявившим банковское дело государственной монополией, начался переход банков на местах под контроль Советов. Овладение кредитно-банковской системой давало возможность регулировать хозяйственную жизнь в центре и регионах. Процесс обобществления оказался достаточно длительным. В отличие от губернского центра Вятки, где большинство частных и общественных банков были национализированы в апреле 1918 г., лишь немногие кредитно-банковские учреждения в Удмуртии тогда перешли государству. В марте Советы в Елабуге и Сарапуле национализировали местные отделения Крестьянского банка. Другие банки еще долго оставались в частных руках. Советы направили туда своих комиссаров, обладавших правом контроля над финансовой отчетностью, денежными и другими ценностями. Без их разрешения банки не могли проводить денежные операции. Такая переходная схема управления весной – летом 1918 г. действовала во всех ижевских и двух сарапульских банках[74].

Процесс обобществления частной собственности не ограничился только промышленностью, транспортом и системой кредитно-финансовых учреждений. Во второй половине декабря 1917 г. Камбарский Совет захватил дом, принадлежащий владельцам завода. Это был шаг, положивший начало масштабной конфискации в Удмуртии крупных домовладений. В феврале 1918 г. Ижевский Совет реквизировал около 20 зданий, прежде всего загородные дома местных фабрикантов. Тогда же отмечены факты конфискации отдельных больших домов в Воткинске. В апреле 1918 г. решением Сарапульского уездного исполкома все частные здания в городе стоимостью более 25 тыс. руб. были переданы в общественную собственность. Одновременно шла конфискация кинотеатров, аптек и крупных магазинов. Бывшие владения местных заводчиков стали местом отдыха трудящихся. Например, на даче крупнейшего сарапульского фабриканта Ф. Г. Пешехонова рабочие устроили клуб и библиотеку-читальню[75].

Активное участие в конфискациях частной собственности приняла рабочая Красная гвардия. Укомплектованная преимущественно сторонниками левых социалистических партий, она пользовалась у местной власти бóльшим доверием, чем политически и социально разнородная милиция. Совпадение во взглядах на конфискацию как на инструмент ее изъятия у владельцев не могло скрыть разногласия в оценке возможных форм ее обобществления между союзниками по левому блоку: большевиками и эсерами-максималистами. Для большевиков она являлась формой национализации снизу, которая всегда и везде "работала" на централизацию власти. Максималисты воспринимали конфискацию в контексте социализации, основанной на принципе децентрализации производства, общества, власти. Они активно выступили против национализации кожевенно-обувных фабрик в Сарапуле. Им удалось (вместе с анархистами) в июне склонить местные рабочие комитеты и профсоюзы к решению о социализации промышленных предприятий[76]. Синдикалистские идеи служили основой деятельности максималистских организаций и в других городах и поселках края, побуждая к передаче профсоюзам и фабзавкомам конфискованных предприятий и магазинов. Особенно бескомпромиссна и решительна в отстаивании их была камбарская группа ССРМ.

Социализация не являлась для максималистов самоцелью, выступая как важнейший элемент нового социального устройства, основанного на децентрализации общественной, экономической и политической жизни. Проходившая в начале марта 1918 г. в Камбарке районная конференция Советов под влиянием максималистов приняла резолюцию с призывом "создавать на местах вольные общины в интересах крестьян и рабочих"[77]. Этот, казалось бы, сугубо идеологический лозунг являлся попыткой закрепить сложившиеся к тому времени взаимоотношения центральной и местной власти. Сущность их выразил в своем выступлении на этой же конференции один из лидеров Камбарского Совета максималист П. Ф. Щекотуров. "Теперь, – заявил он, – вся власть на местах. Центральная власть вполне присоединится к постановлениям местной власти"[78]. Фактически решения конференции звучали поощрением развивающегося в регионах сепаратизма, который проявился в деятельности не только политической власти, но и организаций, связанных с экономикой, включая и рабочие. Сарапульская биржа труда в июле 1918 г. сообщала, что рабочие комитеты не признают центральной власти, полагая власть на местах.

Такое положение отражало не только большое влияние максималистов, но и распространенность синдикалистских настроений среди местных рабочих. Это не означает, конечно, что они всецело овладели пролетарской массой. Скорее, в отношении рабочих к вопросу о форме обобществле-

ния частной собственности наблюдался раскол. Он проявился в Ижевске, где весной – летом 1918 г. сосуществовали национализированные (оружейная фабрика А. Н. Евдокимова, например) и социализированные (фабрика И. Ф. Петрова) предприятия. Социализация приобрела заметные масштабы в южном и юго-восточном районе Удмуртии, а Сарапул и Камбарка в конце 1917 – летом 1918 г. фактически превратились в район ее массового распространения.

Переоформление социализированной собственности в национализированную произошло позднее, осенью 1918 г. Только тогда национализация превратилась в единственную форму обобществления частной собственности. В это время на основании Декрета СНК от 28 июня 1918 г. достоянием государства были объявлены 339 промышленных предприятий, которые играли ключевую роль в экономической жизни Вятской губернии. Более половины из них находились на территории Удмуртии[79].

Начальные социально-экономические преобразования включали в себя и создание органов управления хозяйственной жизнью страны и регионов. После появления 2 декабря 1917 г. Декрета СНК об организации ВСНХ на местах началось создание Советов народного хозяйства при исполкомах губернских, уездных и городских Советов. Первые из них появились в Вятской губернии в конце января 1918 г. Система совнархозов вырастала снизу. Уже в начале февраля они действовали во всех уездах края, сменив земские управы; 14 февраля начал работать губсовнархоз. В ведение его промышленного отдела перешли фабрики, заводы и мастерские на местах[80].

Деятельностью промышленных предприятий руководили коллегиальные выборные органы управления, формы которых отличались разнообразием: деловые советы, цеховые и рабочие комитеты, но, чаще всего, коллегии. В феврале 1918 г. Ижевский оружейный и сталеделательный завод уже возглавляла коллегия (председатель – максималист Г. Ф. Коноваленко). Тогда же другой видный максималист рабочий Ф. И. Шипицин был избран председателем коллегии по управлению конфискованными частными оружейными фабриками. Во главе каждой из них стоял цеховой комитет[81].

На других предприятиях края смена форм управления оказалась более длительной. Воткинский завод окончательно завершил реорганизацию управления только 12 апреля. Возглавил коллегию рабочий-большевик Г. Е. Бердников[82]. На Сюгинском заводе (Елабужский уезд) коллегия была избрана чрезвычайным собранием рабочих 15 апреля. Руководил ее деятельностью комиссар, утвержденный уездным исполкомом[83]. Аналогичные формы коллективного управления сложились на заводах Северо-Вятского горного округа. Определенным своеобразием отличались они в Сарапуле, где, как отмечалось, кожевенно-обувные предприятия возглавили рабочие комитеты.

Коллективные органы управления предприятия состояли из рабочих и служащих. Их создание явилось важным показателем активности трудящихся, разбуженной революцией, их способности к творческой созидательной работе, умения брать на себя бремя ответственных решений. Однако среди немалой части рабочих господствовали иждивенческие настроения, суть которых сводилась к тому, что комитеты должны исполнять их желания и претензии. Такие настроения сопровождались упадком дисциплины и производительности труда. Даже на Ижевском заводе, славящемся ранее военизированной дисциплиной, она ослабла настолько, что значительная часть рабочих часами пренебрегала своими обязанностями. Выработка продукции резко сократилась. Если в начале января 1918 г. в Ижевске производилось 2 тыс. винтовок, то в начале марта заводская коллегия ставила гораздо более скромную задачу – изготовлять не менее 1 тыс. в день[84]. К тому же многократно увеличилась себе-

стоимость выпускаемых изделий. По данным исполкома Ижевского Совета, пуд железа, производимого местными металлургами, обходился в начале апреля 1918 г. в 2,5–3 раза дороже, чем на уральских заводах[85].

Аналогичное положение сложилось и на других предприятиях края. Оно определялось общим развалом экономики, нарушением внутризаводской производственной кооперации и падением заинтересованности рабочего в результатах своего труда из-за просчетов в тарифной политике: низких ставок, чрезмерного сближения в оплате труда квалифицированных и чернорабочих, отмене премий за выработку продукции сверх нормы и т. д. Эти сложности отчасти были следствием левацких взглядов местных профсоюзных руководителей. Показательно, что делегат Ижевска на Всероссийском учредительном съезде союзов металлистов в январе 1918 г. И. П. Хмурович, опираясь на полученный им наказ, добивался максимального сближения в оплате труда квалифицированных и чернорабочих[86].

Падение трудовой дисциплины, потребительские настроения в рабочей среде явились одной из наиболее трудно решаемых проблем, с которыми столкнулись органы фабрично-заводского управления и Советы на местах. Было бы вместе с тем неверно распространять их на всех рабочих. Наиболее сознательные и влиятельные группы, на которые опирались органы коллегиального управления весной 1918 г., считали необходимыми укрепление трудовой дисциплины, усиление роли инженерно-технического персонала на производстве. Движение за сознательное отношение к труду и дисциплине, тесно связанное с пониманием общности своей судьбы и судьбы предприятия, постепенно ширилось. За укрепление дисциплины и поднятие производительности труда 30 марта 1918 г. выступили рабочие замочной мастерской Ижевского завода. Этот почин не остался, как нередко бывало, пустой декларацией о намерениях. Пролетарские организации постарались использовать его для выработки мер, регулирующих поведение рабочих на производстве. В мае – июне 1918 г. во всех мастерских Ижевского завода развернулось обсуждение Положения о трудовой дисциплине, утвержденного Уральским областным бюро союза металлистов, а 16 мая 1918 г. обеспокоенность состоянием дел на предприятии в обращении к Елабужскому уездному исполкому выразили рабочие Сюгинского стекольного завода. Такой же озабоченностью проникнута резолюция общезаводского митинга рабочих Воткинского завода от 19 июля об укреплении трудовой дисциплины. Она была принята единогласно[87].

Наметившийся перелом в настроениях рабочих фабзавкомы, профсоюзы и заводоуправления постарались поддержать и закрепить организационными мерами. Арсенал их был разнообразен. Значительное место среди них занимали материальные поощрения или наказания. Решением общезаводского профессионального комитета Ижевского завода из месячной зарплаты тех, кто прогуливал без уважительной причины, вычитались за первый день отсутствия в мастерской 15, за второй – 25, за третий – 60 %. К тому же нерадивый рабочий должен был отработать пропущенные дни[88]. В то же время стимулировалось добросовестное отношение к работе. Сарапульский профсоюз кожевников отмечал отличившихся рабочих и служащих, отпуская обеды по низким ценам или бесплатно. Восстанавливалась сдельно-премиальная оплата.

Новым явлением в борьбе за дисциплину и производительность труда стало необычайно широкое использование мер морального воздействия. Для борьбы с нарушителями дисциплины, расхитителями общественной собственности начали создаваться суды рабочей чести. В апреле 1918 г. они действовали на Ижевском и Воткинском заводах. Фамилии нарушителей заносили в "позорные" списки, которые вы-

вешивали в цехах, оглашали на общих производственных собраниях. Они подвергались взысканиям как члены профсоюза, могли быть исключены из его рядов. Появились и новые, непривычные формы общественного поощрения передовиков на производстве. Их достижения освещались в информационных листках мастерских, на собраниях. Не остались без внимания женщины-труженицы. На Ижевском заводе, например, тех из них, кто перевыполнял нормы, награждали красными косынками[89].

Использование разнообразных мер поощрения и наказания с первых месяцев советской власти явилось шагом в создании новой системы производственных стимулов, отражающих коллективистскую природу рождающегося общественного порядка. Они не были и не могли быть панацеей от наступающей экономической разрухи, но помогли в известной мере замедлить темпы падения промышленного производства. Осуществляемая на государственном уровне политика приобщения рабочих и служащих к управлению народным хозяйством способствовала формированию психологии личной и коллективной ответственности.

Важнейшее место среди экономических мероприятий советской власти занимала аграрная реформа. Руководством для осуществления земельных преобразований явился первый законодательный акт Октябрьской революции – Декрет о земле, принятый II Всероссийским съездом Советов. Он заложил основы нового земельного устройства. Было ликвидировано помещичье землевладение и право частной собственности на землю. Земля стала всенародным достоянием. Она была передана в пользование всем трудящимся на ней. Революция освободила крестьян от обременительных ежегодных арендных платежей помещикам. Декрет включал в качестве основополагающего пункта вековое крестьянское требование об уравнительно-трудовом характере землепользования. В нем обращалось внимание и на необходимость развития общественных форм обработки земли. Основные его положения были конкретизированы в Декрете о социализации земли, составленном левыми эсерами. Он был принят III Всероссийским съездом Советов и опубликован в день годовщины отмены крепостного права 19 февраля 1918 г.

Большую роль в реализации Декрета в Удмуртии сыграли решения I Вятского губернского съезда Советов, проходившего в начале января 1918 г. Он предпринял попытку упорядочить стихийно начавшийся на местах процесс аграрных преобразований, нацелив трудовое крестьянство на организованную конфискацию помещичьих имений, удельных и церковно-монастырских земель с живым и мертвым инвентарем, передачу их в распоряжение местных земельных комитетов и Советов крестьянских депутатов. Съезд также распустил за саботаж губернский земельный комитет, заменив его земельным отделом при губернском исполкоме. Эти решения поддержали и закрепили уездные съезды Советов, волостные крестьянские сходы[90]. Начался процесс обновления многих сельских земельных комитетов, которые, как считали крестьяне, не выполняли волю народа.

Одновременно многие крестьянские собрания в крае настаивали на немедленной конфискации вненадельных земель нетрудового пользования и их разделе. Это требование было поддержано всем трудовым крестьянством. Однако решения сходов в Алнашской, Шарканской, Граховской, Можгинской, Ершовской и некоторых других волостях края о немедленной передаче волостным исполкомам частновладельческих мельниц, маслобоек и предприятий по обработке древесины ущемляли интересы зажиточных крестьян, связанных с торгово-промышленной деятельностью. Подобные явления свидетельствовали о серьезных противоречиях, существующих между последней и основной массой общинников. Это было следствием развивающегося внутри крестьянского мира социально-клас-

сового антагонизма. Не случайно в деревенском обиходе таких людей нередко называли капиталистами. Но вместе с тем подобные решения диктовались корпоративной логикой самосохранения общины, стремлением удержать процесс развития социально-имущественных различий в пределах, не грозящих ее существованию.

Право распоряжения конфискованной землей, как и земельно-распределительные функции, по Декрету о социализации земли передавались Советам на местах. Это, впрочем, не означало, что новая власть отказала общине в праве участвовать в принятии экономических и политических решений, влияющих на революционное преобразование деревни. Не случайно в Конституцию РСФСР 1918 г. было включено характерное примечание, которое фиксировало, что "в тех сельских местностях, где это будет признано осуществимым, вопросы управления разрешаются общим собранием избирателей данного селения непосредственно". Для того чтобы избежать неоднозначности в его толковании, конституционная комиссия посчитала нужным подчеркнуть, что общее собрание избирателей – фактически тот же сход – "есть высшая в пределах данной территории власть"[91].

Закрепленное в качестве правовой нормы положение отражало практику того времени. Принципиальной ее особенностью, по наблюдению одного из участников земельной реформы первых советских лет, было то, что "революция 1917 г. привела к торжеству общинного права и распространению его на все пространство РСФСР"[92]. Понятно, что при таких обстоятельствах и известной близости базовых принципов общинной и советской организации трудно было бы ожидать от большевистского режима иного решения, чем попытка интеграции столь значимого социального института, как община, в формирующуюся общественную систему при сохранении ведущей роли Советов.

Это намерение представлялось вполне реальным, поскольку, по крайней мере, в течение первого полугодия 1918 г. община и Советы являлись общекрестьянскими организациями, имели одну и ту же социальную базу и равно были заинтересованы в осуществлении земельного передела и землеустройства на основе общинного права. Это делало их союзниками, подталкивало к взаимодействию и компромиссам, позволило зимой – весной 1918 г. на общекрестьянском этапе аграрной революции мирно передать власть Советам в деревне и приступить к изъятию отчуждаемых земель и разделу их среди общинников.

По советскому земельному закону трудовое крестьянство Удмуртии получило в безвозмездное пользование 1 958 229 дес. надельной земли. Кроме того, ему было бесплатно передано 303 848 дес. частновладельческой, казенной, удельной, церковно-монастырской земли и земель Крестьянского банка. Причем 124 997 дес., полученных весной 1918 г., занимала пашня. Революция освободила крестьян и от уплаты недоимок по государственным и земским окладным сборам. Только в Глазовском и Сарапульском уездах было списано 939 тыс. руб. недоимки[93].

Процесс изъятия и передачи земель регулировался инструкцией по распределению земель сельскохозяйственного назначения, утвержденной в апреле 1918 г. II Вятским губернским съездом Советов. Из безлесных казенных, нетрудовых, частновладельческих, церковно-монастырских земель и земель Крестьянского банка при Советах создавался запасной фонд, предназначенный, прежде всего, для распределения между индивидуальными крестьянскими хозяйствами. Но учитывалось и стремление тех групп крестьянства, которые отдавали предпочтение общественной обработке земли. Они были, хотя и немногочисленны, но достаточно активны[94].

Как и в других районах страны, в 1918 г. раздел земли в Удмуртии считался временным из-за отсутствия полных данных по учету земель и "за неимением установленной потребительско-трудовой нормы в об-

щегосударственном масштабе"[95]. Поэтому душевая норма наделения на местах вырабатывалась самостоятельно, с учетом возможностей и местных традиций. Как правило, она колебалась между 2–3 дес.[96]

Наиболее ожесточенные споры развернулись по вопросу о принципах распределения земли. Зажиточные и кулаки отстаивали передел по хозяйственной состоятельности и платежеспособности. Основная масса общинников склонялась к разверстке земли по едокам. Исход этого противостояния определялся раскладом сил на местах, но полное перераспределение земель производилось редко. В большинстве волостей Малмыжского уезда земля распределялась по едокам. Некоторые сельские общества в уезде осуществили "черный" всеобщий передел. К тому же склонялись и отдельные волости Глазовского уезда. В большинстве волостей Елабужского уезда безземельным и малоземельным хозяйствам дополнительно нарезалась земля. В Сарапульском уезде наделение из запасного фонда чаще производилось по трудовой норме[97]. Но было немало волостей (Мостовинская, Каракулинская, Чегандинская и др.), которые разверстали весной 1918 г. полученную землю по едокам. Разнообразие методов передела земли лишь подчеркивало, что судьба аграрной реформы решалась самими крестьянами.

Трудовое крестьянство Удмуртии с одобрением восприняло первые шаги аграрной реформы. Ожидание и надежда были определяющими в крестьянских выступлениях и резолюциях зимы – весны 1918 г. Оперативные действия местной власти в решении земельной проблемы вызвали рост доверия к ней. Признательность Советам "за проведение в жизнь идей, идущих всецело на пользу народу", выразили в апреле 1918 г. Мостовинский, Каракулинский и Чегандинский районные крестьянские съезды в Сарапульском уезде. Решение делегатов отражало позицию крестьянского населения Удмуртии, в среде которого в конце 1917 г. – начале 1918 г. наблюдался рост просоветских и в данном случае пробольшевистских настроений[98].

Поведение крестьян в этот период не позволяет представить их жертвой "фальшивых демагогических большевистских лозунгов". Оно заставляет критически отнестись к преувеличенным сетованиям на малосознательность и политическую незрелость российского крестьянства[99]. По крайней мере, позиция местного сельского населения при передаче земли свидетельствует о вполне ясном осознании ими собственных интересов и предпочтений. Не только материальные соображения склонили тогда симпатии трудового крестьянства на сторону советской власти, но и убеждение в том, что она борется против неполноправного, приниженного положения крестьян в обществе.

Из-за неравномерного размещения на территории Удмуртии вненадельных конфискованных угодий результаты осуществления Декрета о земле оказались более весомыми и быстроощутимыми в местах их сосредоточения, там, где особенно остро ощущалось малоземелье. В с. Константиновке Большепорекской волости, Глазовского уезда крестьяне получили 1 500 дес. частновладельческой и церковной земли, в Можгинской и Граховской волостях Елабужского уезда соответственно 372 и 149 дес. казенной земли. Особенно заметно увеличилось землепользование бывших помещичьих крестьян. В Савальской волости Малмыжского уезда им передали 800 дес. угодий помещиков Александровых, в Старобурецкой волости того же уезда 80 крестьянских дворов получили 512 дес. из имений Булыгина и Волковой. Крестьянам Варзи-Ятчинской волости Елабужского уезда нарезали 991 дес. пашни и 73 дес. леса помещицы Халитовой, а в Арзамасцевской и Черновской волостях Сарапульского уезда подвергли переделу имение Барановой и т. д. В некоторых деревнях перераспределение земель позволило увеличить крестьянские участ-

ки в два раза[100]. Для этих людей советский передел стал рубежом, поделившим их жизнь надвое. Он определил глубину их симпатии к советской власти.

Однако незначительность частновладельческого, в частности помещичьего, и церковно-монастырского землевладения, ограниченность казенных безлесных земель и земель Крестьянского банка (они занимали чуть более 5,2 % площади Удмуртии) быстро исчерпали возможности распределения их на основе инструкции II Вятского губернского съезда Советов. Количество полученных трудовым крестьянством края земель запасного фонда обеспечило прирост наделов лишь на 15,5 %[101]. К тому же из-за их неравномерного размещения реализация Декрета о земле в Удмуртии весной и летом 1918 г. во многих волостях свелась преимущественно к уравнительному переделу внутри села или переделу между много- и малоземельными селениями. Такой метод земельной разверстки был чреват ростом напряженности как во внутриобщинных отношениях, так и в отношениях мира и власти.

Подчас земельные неурядицы приводили к обострению межнациональных противоречий, особенно в смешанных по этническому составу селениях и волостях. Однако факты межнациональных конфликтов на земельной почве были немногочисленны, что отражало достаточно спокойный характер межэтнических отношений в Удмуртии. Неурегулированность земельных отношений и малоземелья в значительной мере повлияла на резолюцию, принятую в январе 1918 г. на уездной конференции удмуртов в Елабуге, которая предлагала при недостатке земли для перераспределения "переселить в другие места починки (деревни) с русским населением. Удмуртов же со своих мест не перебрасывать"[102]. Под ее влиянием решение о выселении русских крестьян было принято в Алнашской волости. Весьма острым оказался конфликт и в Китякской волости Малмыжского уезда в июле – августе 1918 г., где марийцы не хотели давать землю крестьянам русского происхождения[103].

Земельные споры, которые вспыхивали также и среди крестьян одной национальности, нередко провоцировались порожденной временным характером раздела неясностью прав на землю. Она смущала практичный и недоверчивый крестьянский ум, рождая конфликты и тяжбы. Вероятно, это послужило одной из причин противодействия крестьян работе землемеров, отказа от выполнения решений земельных отделов, которые имели место летом 1918 г. в Копкинской, Ципьинской и других волостях Малмыжского уезда. Недовольство крестьян вынудило уездный исполком направить в волнующиеся волости красноармейцев для поддержания порядка[104]. Кое-где будоражило деревенское население духовенство, добиваясь возврата церковной земли. Священнослужители в с. Елове Глазовского уезда в июле 1918 г. созвали в этих целях церковный сход, который привел к крупной ссоре между селениями[105].

Уже первые шаги аграрной реформы обнажили разнонаправленность и конфликтность интересов состоятельных деревенских верхов и безземельных и малоземельных низов. Не удивительно, что предметом самых острых разногласий стал вопрос о том, как распределять землю. Стремление бедноты к всеобщему поравнению земель встретило сопротивление не только формирующейся крестьянской буржуазии, но и зажиточных "справных" хозяев. Борьба нередко приобретала непримиримый характер. Там, где кулакам и состоятельным крестьянам оказывалось не под силу преодолеть решение о "черном" переделе, они старались передать бедноте истощенные земли. Подобные факты весной 1918 г. отмечены в Сарапульском уезде. Но, когда общинная верхушка имела перевес, как это было в Большеучинской волости Малмыжского уезда, она отказывалась дать землю безземельным хозяйствам[106].

Своекорыстие имущих односельчан, особенно болезненно воспринимаемое бед-

нотой в условиях хронического малоземелья, делало ее нетерпеливой и настойчивой в стремлении придать преобразованиям в деревне более радикальный характер. Часто инициаторами дележа земель состоятельных крестьян выступали бывшие фронтовики, чьи хозяйства за годы войны запустели. Их недовольство прежде всего направлялось на "учетников", тех, кто укрылся от призыва в армию на оборонных предприятиях. В большинстве эти люди принадлежали к зажиточным и кулацким слоям. Настроения бывших фронтовиков заметно влияли на деревенское общественное мнение, создавая вокруг "учетников" атмосферу неприязни, а то и откровенной враждебности. Наряду с крестьянами-владельцами предприятий, крупными торговцами (особенно теми, над которыми тяготело обвинение в спекуляции хлебом), именно "учетники" (в сравнении с другими категориями зажиточных крестьян) вызывали у деревенских низов наибольшее неприятие и отторжение.

С началом распределения земель весной 1918 г. малоземельные и безземельные крестьяне приступили к реализации своих планов. Их действия оказались успешными там, где они контролировали Советы. Полное перераспределение всех земель между крестьянским населением было произведено в ряде волостей Малмыжского уезда. О намерении осуществить передел всей земли в общеволостном масштабе высказался в марте Юкаменский исполком Глазовского уезда. Тогда же весьма радикальную резолюцию принял Сарапульский съезд представителей волостных земельных комитетов. Как явную угрозу своим интересам восприняли состоятельные крестьяне появление среди угодий, подлежащих распределению между безземельными и малоземельными, участков, принадлежащих крестьянским нетрудовым хозяйствам (т. е. обрабатывающихся наемным трудом, сдающихся в аренду и т. д.). Кроме того, в отличие от других уездов Вятской губернии съезд принял принципиальное решение о том, что "отруба поступают на усмотрение обществ и волостных земельных отделов, а владельцы входят в общее уравнение"[107]. Иными словами, земельная реформа в одном из крупнейших и наиболее развитых уездов Удмуртии ударила по интересам еще одной группы зажиточных крестьян. Реакция многосеющих хозяйств не заставила себя ждать, они начали сокращение запашки.

Рост напряженности в отношениях между полярными группами в крестьянстве был неравномерным. Весной 1918 г. критической отметки он достиг в сравнительно немногих волостях Удмуртии. И все же уровень противостояния в деревне постепенно повышался. Одним из наиболее заметных его проявлений стало стремление публично ошельмовать, дискредитировать противную сторону. Особую активность проявила более организованная и грамотная зажиточная часть сельского населения. Во весь голос зазвучали из ее уст утверждения о том, что оказались у власти лентяи, проходимцы, любители погулять за чужой счет и т. д. Позднее они превратились в стереотипы, с помощью которых формировался в общественном мнении люмпенско-уголовный облик целого социального слоя бедноты.

Словами деревенская верхушка не ограничивалась. Там, где борьба была особенно напряженной, она саботировала советские решения. Кулаки и имущие крестьяне, как это было в Арзамасцевской волости Сарапульского уезда, перехватывали и уничтожали постановления волисполкома, направленные в сельские Советы. Весной 1918 г. были зафиксированы и первые случаи убийств крестьян – советских активистов. В мае 1918 г. толпа богатых мужиков д. Гремячие Ключи растерзала секретаря Арзамасцевского волисполкома А. П. Горбунова, который считался защитником бедноты[108].

Советскую земельную реформу не приняли также меньшевики и правые эсеры. Они обвинили большевиков и левых эсеров

в насаждении социализма и разжигании междоусобной вражды в деревне, с иронией писали о поисках в деревне "каких-то беднейших крестьян", утверждали, что раздел помещичьей земли приведет к братоубийственной войне и голоду[109]. Многие из этих опасений, проникнутых изрядной долей демагогии и доктринерства, к сожалению, оправдались.

Оппозиционность меньшевиков и правых эсеров, многие из которых работали во властных структурах (особенно в продовольственных и земельных органах), осложняла их повседневную деятельность. Она вызывала подозрения левых социалистов в саботаже, обвинения в кулацких настроениях и антисоветской агитации. И далеко не все из них были беспочвенными.

На распределении земель сказывалось также отсутствие опыта у местной советской власти. Поэтому работы по переделу земли во многих волостях края растянулись надолго. Следует также отметить, что среди волостей Удмуртии были и такие, где в первой половине 1918 г. передел не начинался. Так получилось, в частности, в Лудошурской волости Глазовского уезда. А Большекибьинский волостной сход Елабужского уезда вынес приговор, где просил не производить передела в волости до 1919 г., так как "уже яровые растут, а пары подготовлены ныне к севу"[110]. Все это привело к тому, что к лету 1918 г. проблема малоземелья не была решена и оставалась по-прежнему острой. Трудовое крестьянство Удмуртии, как и ранее, испытывало земельный голод.

Некоторые из безземельных и малоземельных крестьян искали спасения от голода и нищеты в создании коллективных хозяйств. Из девяти коммун и 34 сельхозартелей, возникших в 1918 г. в Вятской губернии, часть была организована на землях Удмуртии. В июне – июле 1918 г. только в Глазовском уезде их насчитывалось восемь. Причем три хозяйства представляли объединения рабочих и горожан, а пять – были организованы крестьянами Святогорской, Быковской, Поломской, Лемской и Ключевской волостей[111]. Интерес к новым формам хозяйствования проявили и удмуртские крестьяне. Они вошли в состав коммуны "Цивилия" в починке Мельничном Поломской волости.

Как правило, первые коммуны и артели были небольшими и маломощными. На одну артель приходилось чуть более 25 дес. земли и 29,5 работника, на одну коммуну – 73 дес. и 19,3 работника. При существовавших тогда экономических условиях это означало, что они носили продовольственно-потребительский характер[112]. Весной 1918 г. появились и первые советские хозяйства: Костеневское в Елабужском, Камбарское в Осинском, Варзи-Алексеевское, Болтачевское, Тимеевское в Сарапульском уездах и др. Широкого распространения коллективные хозяйства не получили из-за настороженного, а то и враждебного, отношения крестьянского большинства, хотя отдельные Советы и организации политических партий приложили немалые усилия, чтобы приобщить сельское население к общественным формам хозяйствования. Ижевский Совет, например, весной 1918 г. предлагал малоземельным крестьянам "...свободную заводскую землю" для обработки ее "на коммунистических началах", т. е. коммуной[113]. Тогда же о намерении создать сельскохозяйственные коммуны, прообраз автономных общин будущего общества, заявили ижевские и воткинские анархисты[114].

Нерешенность проблемы малоземелья привела к тому, что соотношение основных групп крестьянства Удмуртии в сравнении с дореволюционным периодом существенно не изменилось. Вместе с тем растущая активность и неудовлетворенность значительных слоев сельского населения, прежде всего бедноты, результатами земельного передела усилили брожение в деревне, заставили имущих ощутить чувство неуверенности в незыблемости своих позиций. Но кредит доверия основной массы трудового крестьянства к совет-

ской власти, обеспеченный первыми шагами аграрной реформы, не был утрачен.

Социально-экономическая и политическая обстановка весной – летом 1918 г. Провал попыток насильственного противодействия установлению советской власти, поддержка основной массой рабочих и трудового крестьянства ее первых социально-экономических преобразований убедил антибольшевистскую оппозицию, что большевики и их союзники пользуются поддержкой значительных слоев населения. "Большевизм, – писал ЦК правых эсеров в обращении "Ко всем членам партии" в январе 1918 г., – в отличие от царского самодержавия опирается на все ослепленные солдатские и рабочие массы, которые еще в нем не изверились и не видят всей его гибельности для дела рабочего класса"[115]. Планы ликвидации советской власти были отодвинуты до момента, когда она перестанет "удовлетворять народ"[116]. Пока же основной задачей являлось завоевание большинства в Советах и массовых общественных организациях. В этом позиции правых эсеров и меньшевиков совпадали.

Казалось, появилась возможность остановить сползание страны к широкомасштабной Гражданской войне. Однако серьезные разногласия о путях строительства нового общества между большевиками и их союзниками: левыми эсерами, анархистами и максималистами – весной 1918 г. обнаружились как в центре, так и на местах, в том числе и в Удмуртии. Их позиция не была антисоветской. Оппозиция обвиняла большевиков в том, что те повернули революционный "руль вправо", но отстаивали полновластие Советов. Острая политическая борьба между максималистами и большевиками развернулась в Камбарке, Сарапуле, Ижевске.

Конфликт местных большевиков и максималистов вскоре перерос рамки межпартийного спора и вылился в открытое противостояние большевистских организаций и Советов Красной гвардии, подпавшей под влияние максималистов. На стороне последних оказалась часть левацки настроенных красногвардейцев-большевиков, стоявших на позиции беспощадного подавления буржуазии и устрашения обывателя. Кроме того, из-за недостаточно строгого отбора в Красную гвардию попали уголовники. Все это обернулось волной грабежей, насилия, публичных и самочинных расстрелов в городах и селах края, прямым неподчинением красногвардейских отрядов местным Советам, угрозами и террористическими актами против их руководителей и лидеров местных организаций политических партий.

Вот лишь некоторые из известных фактов. В начале марта 1918 г. на улице был смертельно ранен популярный среди ижевских рабочих председатель комитета меньшевиков А. И. Сосулин. Подозрение пало на максималистов. Некоторое время спустя красногвардейцы угрожали расправой председателю исполкома Ижевского Совета большевику И. Д. Пастухову. В начале

Сосулин Аполлон Иванович *(1884 (1885?) г., поселок Ижевского завода – 1918 г., Ижевск) – рабочий-меньшевик. Член РСДРП с лета 1905 г. Входил в Ижевский комитет РСДРП в 1911–1914 гг. В 1917 г. – член комитета Ижевской объединенной организации РСДРП, после ее раскола в мае 1917 г. – член комитета РСДРП (меньшевиков). В 1917 г. заместитель председателя исполкома Ижевского Совета, делегат объединительного съезда РСДРП в Петрограде, делегат I Всероссийского съезда Советов, член ВЦИК 1-го созыва. Октябрьскую революцию не принял. В 1918 г. – председатель комитета Ижевской организации меньшевиков, член исполкома Ижевского Совета.*

А. И. Сосулин
Из книги "Вчера, сегодня, завтра Советской Удмуртии". Ижевск, 1990

мая бомба была брошена в окна дома руководителя Воткинского Совета большевика Ф. А. Баклушина. По подозрению в покушении были задержаны и расстреляны максималист и анархист.

На протяжении февраля – марта 1918 г. местными Советами предпринимались неоднократные попытки подчинить себе отряды Красной гвардии. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 23 февраля 1918 г. предусматривало ликвидацию Красной гвардии как выполнившую свою историческую миссию и создание регулярной Красной Армии. В конце февраля 1918 г. Ижевский исполком в категоричной форме предложил отряду Красной гвардии представить отчет о деятельности штаба и сдать конфискованные вещи и деньги, ордера на обыски и аресты. Однако на собрании отряда было решено никакой отчетности исполкому не давать и считать штаб Красной гвардии в своей работе автономным.

"Фараоны", "опричники" – так отзывались о красногвардейцах местные жители. Поведение Красной гвардии дискредитировало не только органы советской власти, но и РКП(б). Виной тому причастность некоторых большевиков к преступлениям Красной гвардии. В трудное положение поставили свою организацию члены штаба Красной гвардии и лидеры воткинских большевиков А. Литвин, С. Сипугин и К. Ефимов, арестованные исполкомом в конце марта 1918 г. за вымогательство денег у крестьян д. Метляки и преданные суду революционного трибунала, невзирая на былые заслуги и положение[117]. В Ижевске провинившихся красногвардейцев большевики незамедлительно исключили из партии. Но, несмотря на жесткие меры, репутации и авторитету коммунистических организаций был нанесен серьезный ущерб.

Столкновение Красной гвардии с Советами и большевистскими организациями отмечены и в других регионах страны[118]. Они отражали начавшийся процесс охлаждения в отношениях большевиков и трудящихся, в том числе рабочих, на почве растущих экономических и материальных затруднений. Острое недовольство многих рабочих и крестьян Удмуртии, как и в других частях России, вызывало строительство регулярной армии на основе обязательного призыва. В их сознании этот процесс ассоциировался с возвращением к дореволюционным порядкам. Массовым было также неприятие тяжелейших условий Брестского мира.

Нетерпимость создавшегося положения вынудила Советы и большевистские организации края в апреле 1918 г. приступить к разоружению отрядов Красной гвардии. В Воткинске, Елабуге, Камбарке, Каракулино и Сарапуле против ожиданий оно прошло, хотя и напряженно, но без эксцессов. В Ижевске вспыхнул вооруженный конфликт. Созданный по инициативе Ижевского комитета РКП(б) революционно-полевой штаб (Л. Е. Бе́рлин, С. И. Холмогоров, Ф. В. Фокин) 20 апреля объявил город на военном положении и предъявил штабу Красной гвардии и Ижевскому бюро СССРМ (руководители С. Плетнев, Ф. Кокоулин) ультиматум с требованием сдать оружие. Получив отказ, революционно-полевой штаб силой разоружил красногвардейцев и максималистов. При подавлении мятежа местные большевики и отряд матросов из Казани потеряли 2 человека ранеными. Были арестованы около 200 участников мятежа. В ходе обысков и облав в Ижевске разгромлено бюро Союза максималистов, в Воткинске арестованы штабы-квартиры местных организаций анархистов и максималистов. Случившееся временно нарушило блок большевиков и максималистов, ослабило их влияние среди населения, укрепило положение правых эсеров и меньшевиков и позволило им в мае – июне 1918 г. одержать победу на выборах в Советы Ижевска и Воткинска. Однако уже в июле большевики совместно с максималистами вооруженным путем разогнали правый Совет и сформировали новый исполком.

Осмысление событий с ноября 1917 г. по май 1918 г. дает основание для вывода

о том, что это был период постепенного втягивания Удмуртии в Гражданскую войну. Причем в южной части края этот процесс разворачивался быстрее, чем в северной. Удмуртия оказалась среди тех районов России, где состояние Гражданской войны в это время еще не стало господствующим. Однако вооруженные формы борьбы и насилия заняли заметное место в жизни края, стали ее привычным, обыденным элементом. Частые вооруженные столкновения, готовность противостоящих сторон к самым жестким и жестоким формам подавления противника, развивающийся террор свидетельствовали, что раскол в обществе приблизился к черте, за которой начиналась широкомасштабная Гражданская война.

В мае 1918 г. советская власть установила продовольственную диктатуру, предоставив Наркомпроду чрезвычайные полномочия в заготовке и распределении продовольствия. Декреты ВЦИК и СНК подтвердили незыблемость государственной хлебной монополии и твердых цен, введенных еще царским (в сентябре 1916 г.) и подтвержденных Временным правительствами, требовали от всех владельцев хлеба сдать его, оставив лишь запас, необходимый для осеменения полей и личного потребления по установленным правительственными органами нормам до нового урожая. Невыполняющие эти решения или переводящие хлеб на самогон объявлялись врагами народа.

Новая политика продразверстки осуществлялась через продовольственные комитеты и комитеты деревенской бедноты с помощью вооруженных продотрядов и частей продармии. Вятская губерния и Удмуртия оказались среди тех регионов страны, где начала осуществляться эта политика. Первые продотряды, сформированные в Петрограде, прибыли в прикамские уезды в июне – июле 1918 г. К концу года в губернии находилось уже более 4 тыс. продотрядников[119]. Только в Малмыжском уезде с 16 июня до 1 августа было реквизировано более 200 тыс. пудов. Из общего количества заготовленного хлеба 81 вагон был отправлен в Москву. В Сарапульском уезде за это время продотрядники заготовили 65 тыс. пудов, в Елабужском – 15 тыс., Глазовском – около 59 тыс. К августу 1918 г. вся Вятская губерния дала 1,2 млн. пудов хлеба, большая часть которого была отправлена в Москву и Петроград[120].

Действия властей взорвали неустойчивое равновесие в деревне. Они были приняты враждебно не только кулаками, но и основными держателями хлеба – средним крестьянством, неоднократно восставшим против отрядов, которые реквизировали хлеб, а также избивавшим представителей власти. Весной – летом 1918 г. по территории Удмуртии прокатилась волна крестьянских выступлений. Так, 13 мая 1918 г. было совершено нападение на Малмыжский волостной исполком. Направленный в волость для расследования уездный военный комиссар Г. А. Савинцев, побеседовав со многими жителями, пришел к заключению, что все случившееся было следствием агитации имущих крестьян в связи с реквизицией хлеба. Зачинщики были арестованы[121]. Если этот конфликт завершился мирно, то вооруженное противостояние в с. Ципья того же Малмыжского уезда сопровождалось жертвами. Были убиты двое членов закупочной комиссии, были раненые и избитые с обеих сторон[122]. Конфликтами и враждебным отношением "к власти коммунистической партии" обернулось создание отрядов для принудительного обмолота хлебов в Бурановской, Завьяловской, Нылги-Жикьинской и других волостях Сарапульского уезда. В Завьяловской волости произошло вооруженное столкновение с "крепкими" крестьянами, в ходе которого погибли 10 бойцов продотряда[123]. Вооруженные нападения наблюдались и в других волостях. Характерно, что именно те волости, где действовали молотильные отряды, первыми вооружились и поддержали мятеж в Ижевске в августе 1918 г.

Крестьянский протест подогревала агитация правых эсеров, антибольшевистских подпольных организаций и нередко священнослужителей. В конце июля – начале августа в Дебесской волости были обнаружены прокламации, призывающие к свержению советской власти. Большевики, утверждалось в них, не дали обещанных свобод, хлеба и мира. "Так пусть же погибнут обманщики. Вся власть Учредительному собранию!" – писали авторы листовок. Тогда же воззвание ижевских правых эсеров было зачитано на сходе жителей д. Сиях-Сюмья Нылги-Жикьинской волости, Сарапульского уезда. А в Тойкинской волости того же уезда священник Я. Ваганов убеждал верующих в том, что советская власть враждебна народу[124].

В Быковской волости Глазовского уезда недовольство хлебной монополией обострилось из-за начавшейся мобилизации лошадей в армию. Большая толпа – до 1 тыс. разъяренных крестьян – 26 июня 1918 г. оцепила здание волостного исполкома. Три члена исполкома были избиты. Прибывший на следующий день коммунистический отряд бунтари встретили выстрелами. Ответным огнем два человека были убиты, около 60 арестованы, остальные скрылись в лесу[125].

Трагически закончилась поездка заместителя комиссара по управлению Глазовским уездом левого эсера А. И. Соболева в Афанасьевскую волость для реквизиции хлеба и сбора чрезвычайного революционного налога с имущих крестьян. Возвращаясь из с. Бисерова, он и шесть его спутников угодили в засаду, организованную зажиточными крестьянами. Уцелел лишь один из них, остальных зверски убили. По свидетельству очевидцев, трупы были затоптаны в яму, в страшную могилу был вбит осиновый кол. Эти события послужили началом восстания, участие в котором приняли до 3 тыс. человек, вооруженных ружьями, топорами, лопатами. Повстанцы в волостном центре – с. Афанасьеве – закопали в землю живым больного красноармейца. На общем собрании было составлено обращение к Глазовскому уездному исполкому, где указывалось, что крестьяне "не против советской власти, а с Соболевым и красноармейцами расправились за неправильные действия"[126]. Отряды, направленные в волость из Вятки и Глазова, подавили выступление, 70 человек были арестованы, 19 – расстреляны, на одну из деревень наложена контрибуция в 100 тыс. руб.[127]

К сопротивлению крестьян подталкивали не только необоснованность наложения чрезвычайного налога и продразверстки, но и поведение членов некоторых продотрядов. Вятский губпродком в июле 1918 г. принял решение о разоружении отряда Цветочкина в Малмыжском уезде и аресте его командира за пьянство, грабеж населения, обмен реквизированного хлеба на кумышку. Так же поступил Оханский уездный исполком в отношении Сепычевского волостного продотряда, который "отличился" в деревнях соседнего Глазовского уезда[128].

Неподчинение местным властям, а подчас и собственным командирам проявляли и другие отряды. В конце июня тревожное известие пришло в Вятку из с. Турек от политкома Московского продовольственного полка, действовавшего в Малмыжском и Уржумском уездах. Он телеграфировал о невыполнении полком приказаний[129]. Часто за подобными фактами стояли нарушения, приводившие к дестабилизации положения на местах. Так было в июле 1918 г. в Кураковской волости Елабужского уезда. Действия продотряда, который самочинно отбирал хлеб, произвольно накладывал контрибуцию, вызвали волнения среди населения. Толпа возбужденных крестьян, добивавшихся объяснений, была обстреляна, два крестьянина убиты[130].

Позиции власти в деревне нередко подрывались и злоупотреблениями многих приезжих и местных красноармейских отрядов. Глазовский комиссар юстиции большевик Н. Аммосов 22 июня 1918 г. информировал уездный Совет о недопустимых

действиях красноармейцев в Быковской, Унинской и других волостях – порке крестьян, не желавших бесплатно предоставлять им продовольствие. Отдел по управлению уездом сообщал, что в августе два члена отряда, подавлявшего крестьянское движение в Афанасьевской волости, в одной из деревень изнасиловали 16-летнюю девушку. Он указывал, что такие действия "озлобляют население против советской власти", и решительно настаивал на проведении расследования их бесчинств[131]. Этого же добивались многие красноармейцы и командиры. Но, чтобы преодолеть негативное воздействие этих преступлений на сознание сельских жителей, необходимо было время и целенаправленная политика, т. е. то, в чем власть испытывала явный дефицит.

Между тем возмущение крестьян ширилось. Продразверстка, которая в их представлении была неразрывно связана с насилием вооруженных людей, пришедших с фабрик и заводов, из городов, рождала ожесточение. Оно часто делало крестьян глухими к убеждениям и просьбам о помощи голодающему городу, хотя необходимость ее у многих сельских жителей не вызывала сомнений. Крестьяне полагали, что, как и рабочие, имеют право отстаивать свои интересы: "Почему-то заводы свое железо ценят дорого, а наш хлеб дешево. Без хлеба прожить нельзя, а без железа можно". В этом конфликте, ставшем летом заметно более острым и болезненным, наряду с классовым противостоянием отчетливо обозначились черты развивающегося противостояния города и деревни. Оно явилось важным элементом всеобъемлющего кризиса, поставившего под угрозу существование советской системы. Понятно, что кризис не мог не деформировать отношения крестьянства и пролетариата (в том числе русского пролетариата и удмуртского крестьянства).

В условиях нарастающего противостояния крестьяне пытались преодолеть разобщенность, что заметно в восстаниях лета 1918 г. В этих целях Рожкинским волостным собранием (Малмыжский уезд) было выпущено воззвание, которое призывало к объединению жителей соседних волостей для вооруженной борьбы с "продовольственниками"[132]. То, что это неслучайный факт, подтверждает призыв Сепычевского волостного исполкома в начале августа (от 12 волостей Оханского уезда) к Юсовскому волостному исполкому Глазовского уезда "поддержать наше движение за правду, т. е. арестовывать всех красноармейцев вашей волости". Ответом стало восстание в селе Кулига и гибель красноармейцев. Их тела Юсовский исполком отказался выдать красным. Он обратился за помощью к жителям соседней Гординской волости, предложив им объединение[133]. Мятежники нашли понимание у многих священнослужителей, использовавших церковные колокола для оповещения о приближении красноармейцев.

Противостояние в деревне заметно усилил переход в июне 1918 г. к созданию комитетов бедноты – чрезвычайных органов власти, которые должны были оказать помощь государству в реквизиции хлеба у кулаков и зажиточных крестьян. Общинные верхи не без основания расценили этот шаг нового режима как стремление ограничить их власть и постарались сорвать его выполнение. Началась массированная кампания, направленная на дискредитацию комбедов как пристанище пьяниц, лодырей и уголовных элементов. Используя свое влияние, зажиточные крестьяне летом 1918 г. смогли успешно противодействовать организации комбедов. Кроме экономического и политического давления на непокорных неимущих крестьян, деревенские верхи использовали террор. Так, в селе Петропавловском Сарапульского уезда в июле 1918 г. после неудачной попытки бедняков взять власть в волостном Совете в свои руки, пятеро из них были убиты на глазах у жителей села[134].

Крестьянство выступало с протестом против централизации и бюрократизации

власти. Дело в том, что для широких слоев крестьянства (и многих рабочих) лозунг полновластия Советов означал полновластие волостных и сельских Советов. Эта позиция воплощала модель строительства новой власти "снизу". Для многих (и не только крестьянских) Советов лозунг: "Власть на местах", – стал в ту пору основополагающим принципом их деятельности. Ярким ее проявлением явилось право вето, присвоенное низовыми Советами, в отношении неугодных им декретов центральной власти (налоги, мобилизации в армию и т. д.). Факты свидетельствуют, что столь же неприязненно крестьянство реагировало на аналогичные действия не только большевистского, но и Временного в 1917 г., и антибольшевистских правительств в годы Гражданской войны.

Нарастающий протест крестьянства совпал по времени с мятежом Чехословацкого корпуса. Территория страны оказалась охвачена Гражданской войной. Возник Восточный фронт. Удмуртия, оставаясь еще вне боевых действий, стала прифронтовой зоной. В этих условиях летом 1918 г. советская власть перешла к мобилизациям в Красную Армию, стала добиваться жесткого и неуклонного исполнения других государственных повинностей. Такая политика государства усилила недовольство в деревне, вовлекла в его орбиту почти все крестьянское население, включая и часть бедноты.

Движения протеста против продовольственной диктатуры и централизации власти в Удмуртии и Вятской губернии в отличие от многих других районов страны уже летом 1918 г. слились в единый поток. В него втянулись северные районы Удмуртии. Около 80 крестьянских выступлений отмечено летом в Глазовском уезде. Все чаще они становятся вооруженными, отличаясь характером требований. Крупные крестьянские восстания в Юсовской, Афанасьевской и других волостях Глазовского уезда, смежных волостях Пермской губернии разворачивались под лозунгом: "Не против советской власти, а против насильников" (продотрядов, красноармейцев). В Святогорской волости Глазовского уезда богатые крестьяне-старообрядцы, составившие костяк повстанцев, начинали с разгрома Советов. На первые роли в движении чаще всего претендовали представители наиболее сплоченных политически, активных и грамотных кулацкого и зажиточного слоев крестьянства. Вероятно, это обстоятельство послужило одной из причин недооценки внутренней разобщенности крестьянского движения идейными противниками большевиков, что явилось их стратегической ошибкой. Но ее последствия проявились позднее.

Продолжало ухудшаться положение в городах и рабочих поселках. Экономическая разруха и политическая нестабильность препятствовали продуктивной работе промышленных предприятий. Достаточно сказать, что на Ижевском оружейном и сталеделательном заводе выпуск винтовок колебался от 400 до 1 200 шт. в день, составив не более 20–60 % от выработки в декабре 1917 г. Безуспешными оказались попытки местных Советов справиться с безработицей, которая стремительно разрасталась. Из-за неурожая 1916 г. крестьяне в большем количестве, чем обычно, искали работу на предприятиях Северо-Вятского горного округа, Ижевском и Воткинском заводах, кожевенно-обувных предприятиях Сарапула, в кустарных мастерских Камбарки и в других промышленных центрах края. Но переживающая кризис промышленность оказалась не в состоянии принять их всех.

Совершенно неуправляемой стала ситуация после открытия навигации на Каме, когда тысячи людей, бегущих от Гражданской войны, голода и безработицы из западных и восточных губерний России, начали прибывать в Удмуртию. Особенно много их направлялось в Ижевск, где было зарегистрировано около 7 тыс. безработных. Прибегнув к чрезвычайным мерам, т. е. запретив в мае въезд на жительство, оповес-

тив через областные и губернские газеты о продовольственном кризисе в Ижевске, исполком сумел приостановить рост численности безработных, но сократить ее не удалось. В Ижевске летом находилось не менее 28 % общего числа официально зарегистрированных на Урале безработных. Огромные их толпы наводнили город, буквально осадили биржу труда.

Похожей, хотя и менее напряженной, была ситуация в Сарапуле, Глазове, других городах и поселках. В Воткинске численность безработных с апреля до конца июля увеличилась почти на 60 %. Местные власти пытались, насколько позволяли возможности, облегчить их участь. В Ижевске проводились кружечные сборы, были организованы общественные работы. Сарапульская биржа труда в конце мая обратилась к рабочим с предложением отчислить в пользу безработных 1 % с заработанного рубля. Однако оно вызвало противоречивый отклик в пролетарских коллективах. Многие решили отчислений не производить, что отражало недоброжелательное, более того, эгоистическое отношение значительной части местных рабочих к безработным, особенно пришлым, и усиливало настроения безысходности среди безработных, провоцировало их к неприятию существующей власти, делало весьма восприимчивыми к различным формам политического экстремизма как справа, так и слева.

За негативным отношением многих рабочих к безработным скрывалась неуверенность в завтрашнем дне, боязнь потерять работу. По сведениям Сарапульской биржи труда, у рабочих-кожевников в июле 1918 г. заработная плата колебалась от 240 до 350 руб. в месяц. Между тем жизнь стремительно дорожала. Пуд ржаной муки в июле поднялся в цене до 30–35, а пшеничной – до 70–75 руб. К тому же никак не удавалось справиться с задержками в выплате заработка. Эти трудности обострили до крайности недовольство многих ижевских рабочих решением военного ведомства и местного Совета о выплате почасовой добавки, введенной на предприятиях ГАУ в 1915 г., постепенно, небольшими суммами. Их выдача была приостановлена еще при Временном правительстве. Теперь рабочие требовали всех денег сразу.

Общий митинг рабочих, имевших право на денежную добавку, состоявшийся 14 мая, ультимативно потребовал от Ижевского Совета незамедлительной выдачи денег, грозя остановкой завода, забастовкой и самосудом над руководителями Совета. Исполком предупредил, что это может обернуться невысылкой денег из центра для выплаты жалования, но вынужден был удовлетворить требования рабочих.

Трудности с заработной платой особенно болезненно воспринимались в условиях стремительно развивающегося продовольственного кризиса. Огромные масштабы приобрел вывоз хлеба мешочниками. В июне 1918 г. они ежедневно отправляли только по железной дороге Сарапул – Казань до 20 тыс. пудов. Это привело к тому, что крестьяне и хлеботорговцы взвинтили цены на хлеб. Отчасти рост цен на хлеб стимулировался введением в Вятской губернии продразверстки и возникшими в связи с этим организационными неурядицами, установлением твердых и низких государственных закупочных цен. В период, когда деятельность продовольственных отрядов, с помощью которых предполагалось осуществлять разверстку, не получила большого распространения (они только начинали прибывать в Удмуртию), крестьяне нередко с разрешения волостных исполкомов сбывали хлеб по вольным ценам спекулянтам и мешочникам. Подвоз хлеба и других продуктов в города и поселки сократился. Базары – основные источники снабжения жителей продовольствием – опустели. Местные продорганы из-за нехватки средств оказались не в состоянии вести закупку по свободным ценам, а из-за отсутствия продотрядов не могли получить хлеб по твердой цене и вынуждены были сократить или приостановить его заготовку.

Недостаток хлеба в городах и поселках с каждым днем становился ощутимее. В Сарапуле в конце июня случались дни, когда, по сообщению исполкома, "хлеба почти не было". Еще более драматическим было положение на заводах Северо-Вятского горного округа. В середине июня Омутнинский волисполком направил в Глазовский уездный отдел снабжения телеграмму, в которой сообщал: "Хлеба нет. Положение критическое. Завод встает. Рабочее брожение накануне голодного бунта". Такие же известия приходили из Залазнинского, Пудемского и Кирсинского заводов.

Большие трудности переживали Ижевск и Воткинск. В июле 1918 г. Сарапульский уездный исполком смог выделить Ижевску из необходимых на месяц 65 тыс. только 10 тыс. пудов хлеба и 1,5 тыс. пудов крупы. Сахаром жители были снабжены лишь за апрель. Спасаясь от надвигающегося голода, Советы еще более ужесточили чрезвычайные меры. В июле – начале августа в Ижевске было взято на учет все продовольствие. Местный Совет вынужден был продлить запрет на въезд на жительство в город. Впервые применил эту меру Воткинский исполком. По существу, продовольственное положение крупнейших промышленных и административных центров края к середине лета 1918 г. достигло опасной черты, за которой начинался голод. Советы ценой чрезвычайных мер смогли удержать ситуацию под контролем. Однако их жесткие, задевшие многих жителей действия в значительной мере исчерпали доверие к власти. Утрата его в момент, когда недовольство охватило также широкие слои крестьянского населения, означала, что большевики и их союзники оказались перед лицом кризиса, грозящего существованию советской власти[135].

Отражением недовольства большей части населения советской политикой стал кризис большевистских и эсеро-максималистских организаций Удмуртии. К началу лета 1918 г. численность коммунистов и максималистов значительно сократилась за счет выхода многих из них из партии. В то же время положение на фронте потребовало направления немалых сил в Красную Армию, что серьезно ослабило местные парторганизации.

Мятеж в Ижевско-Воткинском районе. В этой обстановке противники советской власти развернули подготовку к ее свержению в Ижевско-Воткинском районе Удмуртии. Обладание им сулило российской контрреволюции весомые выгоды, поскольку в ее руки переходил контроль над одним из крупнейших центров оборонной промышленности страны. Кроме того, летом 1918 г. этот район находился на стыке Второй и Третьей армий Восточного фронта, и потеря его неизбежно вела к дезорганизации их тыла.

Инициативу заговора приняли на себя VIII Совет и ЦК партии правых социалистов-революционеров в мае 1918 г. Он был частью плана по организации мятежей и восстаний против советской власти в Поволжье, на Украине и Урале, в других регионах страны. Правые эсеры сотрудничали с "Союзом защиты Родины и свобо-

Федичкин Дмитрий Иванович *(1885 г., Тамбовская губерния – 1966 г., Калифорния, США) – полковник, один из руководителей мятежа в Ижевско-Воткинском районе, главком народной армии Прикомуча. После смещения с поста главнокомандующего 15 октября 1918 г. служил в тыловых частях колчаковской армии. В 1922 г. из Шанхая эмигрировал в США.*

Д. И. Федичкин
Из книги "Вчера, сегодня, завтра Советской Удмуртии". Ижевск, 1990

Н. И. Евсеев

Евсеев Николай Иванович *(1884 г., д. Бызиново Сарапульского уезда, Вятской губернии – 1937 г., с. Каргасак Томской области). Член партии социалистов-революционеров. За революционную деятельность в 1906 г. был сослан в Сибирь. Один из руководителей мятежа в Ижевско-Воткинском районе. В 1918 г. избран членом Учредительного собрания. Председатель Прикомуча, после его ликвидации – чрезвычайный уполномоченный "Временного правительства" по Прикамскому краю. После подавления мятежа под чужим именем уехал в Сибирь. В 1937 г. репрессирован.*

ды" – крупнейшей антибольшевистской организацией – во главе с бывшим эсером и террористом Б. В. Савинковым. Накануне мятежа в Ижевске появились видные савинковцы полковник Д. И. Федичкин, журналист А. Я. Гутман-Ган.

Местные эсеровские организации получили директиву о политической и военной подготовке антисоветского восстания. В Ижевск и Воткинск прибыли правые эсеры И. И. Тетеркин, Н. Н. Иванов, А. Д. Корякин. Вместе с лидерами местных правых эсеров Н. И. Евсеевым, В. И. Бузановым, К. С. Шулаковым они составили руководящее ядро заговорщиков. Совместно с эсерами действовали объединения бывших военнослужащих Первой мировой войны, известные под названием союзы фронтовиков. Они существовали во многих населенных пунктах Удмуртии. Наиболее крупные действовали в Ижевске (до 3 тыс. членов) и Воткинске (около 800 членов). Социальный состав их был разнородным: рабочие, крестьяне, выходцы из интеллигенции и духовенства. Внутри Ижевского и Воткинского союзов существовали группы офицеров, законспирированные настолько, что о них не знало даже большинство членов союзов. Такая же группа действовала в Глазове, следы подпольной организации с активным участием офицеров прослеживаются и в Сарапуле.

Мятеж начался свержением советской власти в Ижевске 7 августа 1918 г. при очень неблагоприятных для большевиков обстоятельствах. В конце июля – начале августа на фронт под Казань, где шли тяжелые бои, было отправлено несколько отрядов революционных рабочих из Ижевска, Воткинска и Сарапула, численностью около 2 тыс. человек. Местные руководители и военное командование поступили неосмотрительно, недооценив опасности положения в городах. В Ижевске накануне мятежа оставалось лишь 25 красноармейцев, 73 коммуниста и 140–120 милиционеров[136]. Усугубили положение разногласия в оценке сложившейся обстановки между местными руководителями. В Ижевске часть из них (заместитель председателя Ижевского исполкома большевик С. И. Холмогоров и др.) осознавали угрозу, исходящую от укреплявших свои позиции правых эсеров и меньшевиков, настаивали на аресте их лидеров, большинство (председатель Ижевского комитета партии И. Д. Пастухов)

Группа членов Ижевского союза фронтовиков. 1918
Фотофонд НОА УИИЯЛ УрО РАН

недооценили изменения в настроениях рабочих, посчитали проведение арестов несвоевременным. В результате лидерам заговорщиков удалось скрыться.

Основная масса местных рабочих заняла колеблющуюся позицию, они не хотели вооруженной междоусобицы, стояли за мирное разрешение конфликта. Но и на защиту большевистской власти не встали. В этих условиях повстанцы имели громадный численный перевес в Ижевске, превосходя силы защитников советской власти почти в 20 раз. Оборону Ижевска возглавляли военные комиссары В. А. Матвеев, П. Н. Лихвинцев и А. Сицинский, отрядами рабочей милиции командовал председатель ЧК А. С. Бабушкин. После тяжелых боев защитники советской власти были вынуждены отступить. К рассвету 9 августа мятежники полностью овладели Ижевском. Отряды ижевских повстанцев при поддержке своих сторонников 17 августа заняли Воткинск, 31-го – Сарапул.

Мятеж возник и развивался как конфликт внутренний, без непосредственного участия в нем, как это было в Поволжье, на Урале, в Сибири, интервенционистских воинских формирований. По данным разведсводки штаба Третьей советской армии, в мятежных отрядах насчитывалось 8 августа 1918 г. примерно 6,3 тыс. человек, в том числе 300 офицеров, 3 тыс. фронтовиков и около 3 тыс. рабочих-добровольцев[137]. По сведениям самих мятежников, рабочих в их рядах было около 2 тыс. человек (10 % наличного состава). Таким образом, мятеж нельзя рассматривать как восстание рабочих, поскольку они составляли около трети всех участвовавших в свержении советской власти в Ижевске.

Территория мятежа быстро разрасталась. В период наибольших военных успехов в августе – сентябре 1918 г. повстанцы прочно контролировали около половины территории Удмуртии, в основном ее прикамский район, часть Оханского и Осинского уездов Пермской губернии, отдельные волости Бирского уезда Уфимской губернии, площадью 18–19 тыс. кв. верст*. Действия повстанческих подразделений развернулись на площади не менее 35 тыс. кв. верст[138]. Косвенным результатом мятежа был всплеск антибольшевистских выступлений далеко за его пределами. Повстанцам не удалось соединиться с другими районами контрреволюционного движения, до самого конца они действовали в окружении красных войск. Но их отдельные отряды, официальные представители и лазутчики бывали в Самаре, Уфе, Казани.

Мятеж начинался под лозунгами созыва Учредительного собрания и возврата к демократическим нормам Февральской революции 1917 г., восстановления органов власти Временного правительства. Однако сразу после свержения большевиков в Ижевске выяснилось, что единства в лагере восставших нет. Офицеры попытались узурпировать власть, установить военную диктатуру, но под напором рабочих и горожан вынуждены были временно отступить. Мятежники 17 августа формально признали "единственной и законной властью в России" эсеровский Самарский Комуч (комитет членов Учредительного собрания) и занялись организацией регионального правительства, названного Прикамским Комучем (Прикомуч). Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов были официально отстранены от власти, считаясь отныне классовыми организациями пролетариата и крестьянства. Большевиков, максималистов и левых эсеров вывели из состава Советов, их партийные организации запретили[139].

Организация Прикомуча затянулась, поэтому в отличие от территории Самарского Комуча, где Советы с самого начала выступали в качестве классовых организаций, "Временного Сибирского правительства", где их деятельность была запрещена, в Ижевске более месяца – почти треть

* В границах современного территориально-административного деления это территории Удмуртской, Татарской и Башкирской республик, Пермской области.

времени, отведенного на существование мятежа, – у власти находилась эсеро-меньшевистская часть Совета. Лишь в начале сентября 1918 г. власть в восставшем районе принял Прикомуч, состоявший из правых эсеров – членов Учредительного собрания, важные посты в правительственных органах достались меньшевикам.

Невзирая на формальное подчинение власти Прикомуча, многие военные были недовольны эсерами, обвиняя их в недостаточной решительности в борьбе с большевизмом. Но и эсеры не доверяли своим союзникам, и, как выяснилось, не без основания. В октябре 1918 г. главком вооруженных сил Прикомуча полковник Д. И. Федичкин попытался посягнуть на их власть, но потерял пост и вынужден был покинуть мятежную территорию.

Прикомуч прекратил существование в начале октября 1918 г. На смену ему пришла более авторитарная власть чрезвычайного уполномоченного правительства по Прикамскому краю, бывшего председателя Прикомуча Н. И. Евсеева. К этому времени значительно усилились позиции военных, представителем интересов которых стал новый главком, известный изуверскими расправами над сторонниками советской власти, штабс-капитан Г. Н. Юрьев.

С первых дней мятежа огромные масштабы приобрел террор, направленный против сторонников большевистской власти. И если расправы, грабежи, насилия, аресты первых дней можно рассматривать как попытку социального реванша, как взрыв стихийной ненависти, то в дальнейшем террор приобрел статус правительственной политики, начали действовать следственные комиссии и армейская контрразведка, среди сотрудников которой оказались бывшие полицейские, члены эсеровской партии, офицеры.

О масштабах террора в начале восстания можно судить по данным Вятской губЧК*. Согласно им за первые три дня мятежа в Ижевске в тюрьмы было брошено более 3 тыс. человек. Среди арестованных встречались дети и подростки[140]. В Сарапуле размах арестов был таков, что на каждые 15 жителей города приходился один политзаключенный. Из-за нехватки обычных тюрем арестантов содержали в баржах на Воткинском пруду и Каме. Только в плавучих тюрьмах в Воткинске содержалось около 1 тыс. чел. К концу эсеровского правления участились расстрелы. В Воткинске за 3–4 последних дня мятежа расстреляны, заколоты штыками, зарыты живыми в землю более 300 заключенных, а всего здесь пали в тюремных застенках более 1 тыс. человек[141]. Зверски были казнены большевики, члены Учредительного собрания И. Д. Пастухов и И. И. Шевцов.

Террор и варварское обращение с заключенными очень скоро заставили усомниться в демократизме власти многих, в том числе ее сторонников. Делегатские собрания сарапульских рабочих и Воткинского союза металлистов в сентябре 1918 г. потребовали проверки и улучшения условий содержания арестованных, скорейшего расследования их дел и освобождения невиновных. Репрессии вызвали серьезные разногласия в местных организациях меньшевиков и правых эсеров. О несогласии с политикой преследования большевиков и их сторонников публично заявил член Воткинского комитета РСДРП и один из руководителей профсоюза металлистов А. К. Малков. Его позицию поддержала, несмотря на возражения других лидеров, часть членов организации, а также некоторые правые эсеры – руководители союза металлистов. В Ижевске в защиту арестованных членов заводского комитета поднял голос один из старейших деятелей правоэсеровской организации П. А. Барышников[142].

Острое недовольство рабочих и крестьян вызвала политика продолжения Гражданской войны, тем более что правые социалисты обещали в случае прихода к власти ее прекратить. Крестьяне не пошли доб-

* Губернская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (1918–1922 гг.).

ровольно в армию Прикомуча, как ранее и в Красную Армию. Схожей была позиция заводчан. Так, на митинге 1 сентября 1918 г. рабочие крупнейшего сарапульского завода Пешехонова заявили о том, что не пойдут убивать своих братьев. Подобные взгляды разделялись ижевскими и воткинскими рабочими[143]. Это ускорило переход к принудительной мобилизации в армию.

О широком распространении антивоенных настроений свидетельствует то, что они проникли в среду правых социалистов. Не поддержали вооруженное свержение советской власти ижевские меньшевики, хотя позднее активно сотрудничали с Прикомучем. Член Воткинской организации правых эсеров Н. Шеретиковский вел среди солдат антивоенную агитацию. Учредиловские власти преследовали оппозиционно настроенных меньшевиков и правых эсеров. Н. Шеретиковский попал в тюрьму, П. А. Барышникову пригрозили заключением под стражу. Меньшевик А. К. Малков и правый эсер В. Кривоногов за защиту прав арестованных были высланы из Воткинска[144].

Сразу после свержения большевиков повстанцы начали восстанавливать аппарат государственной власти и местного самоуправления, действовавший после Февральской революции 1917 г., но завершить его реставрацию полностью так и не сумели. И на то имелись веские причины. Непродолжительность мятежа была среди них далеко не самой важной. Значительно существеннее то, что процесс строительства аппарата власти и его деятельность происходили в чрезвычайных обстоятельствах: в условиях войны и фактического окружения противником. Очень часто на первый план выходила задача выживания режима, которая диктовала его руководителям многие первоочередные действия. В этом смысле вполне уместна аналогия с положением советской власти. Отсюда и удивительное, на первый взгляд, совпадение логики действий двух разных режимов, оказавшихся в схожих обстоятельствах.

Еще более важным было то, что повстанцы изначально охарактеризовали социальную природу создаваемой власти как буржуазно-демократическую. Это определило ориентиры в их отношениях как с трудящимися, так и с буржуазией. В силу того, что Прикомуч действовал в рабоче-крестьянском по социальному составу населения районе, он пытался считаться с мнением большинства, что ставило его в весьма сложные отношения с буржуазными кругами. Такого рода проблемы возникали в 1918 г. не только перед Прикомучем, но и перед режимами "демократической контрреволюции" в других районах страны, разрешаясь в зависимости от соотношения сил на местах. С учетом сложного переплетения этих факторов формировалась социальная политика учредиловцев в Ижевско-Воткинском районе. Они сохранили 8-часовой рабочий день, Декрет о минимальной заработной плате, фабрично-заводские и цеховые комитеты, профессиональные союзы, биржи труда, т. е. те права и организации рабочих и служащих, которыми они обладали накануне и в период установления советской власти. В то же время из-за военных действий расширилась практика сверхурочных работ, работы на заводах продолжались в воскресные и праздничные дни. Заработную плату выплачивали из-за недостатка средств не полностью, а в размере 2/3. Многие рабочие нищенствовали, получая в месяц 40–60 руб., тогда как пуд ржаной муки, например, стоил 45 руб. Недоплачивая им, Прикомуч тратил огромные суммы на содержание армии и аппарата власти.

Учредиловцы восстановили единоначалие администрации на казенных заводах, отстранив полностью от управления производством цеховые и общезаводские комитеты, сохранив за ними лишь право на получение информации о положении рабочих и производительности заводов. Профессиональные союзы были признаны "исключительно классовой организацией рабочих, не желающей быть производственной, т. е. хозяйственной".

Иным было положение на бывших частных кожевенно-обувных фабриках и мастерских Сарапула. Несмотря на обвинения правыми эсерами и меньшевиками рабочих в захвате фабрик, предприятия не были возвращены прежним владельцам, хотя те и добивались этого. Фабрики оставались в ведении заводских комитетов. Предполагалось, что окончательно вопрос о том, в чьей собственности они будут, решит Учредительное собрание, но сарапульские рабочие не собирались отдавать решение столь важной проблемы ему на откуп, руководствуясь принятой на одном из городских митингов в сентябре 1918 г. резолюцией: "Власть – Учредительному собранию, а фабрики и заводы – рабочим". Свою антибуржуазную позицию они отстаивали упорно, в том числе на страницах учредиловской печати.

Ограничивалось участие рабочих в органах власти и управления. Советы вновь стали общественными организациями. Представители рабочих в органах учредиловской власти сохранились (следственные комиссии, коллегии управления казенными заводами и т. д.), но реальное влияние на их деятельность по сравнению с советским периодом свелось до минимума.

По существу, рабочая политика эсеро-белогвардейских властей привела к ухудшению материального положения рабочих, резкому сокращению их участия в управлении государством и производством, сделала реальной угрозу передачи частных предприятий прежним владельцам.

Политика местных правых эсеров в земельном вопросе оказалась более консервативной, чем у признанного ими в качестве верховной власти Самарского Комуча, который официально отменил частную собственность на землю и объявил ее общенародным достоянием. Прикомуч считал, что земля должна остаться у прежних владельцев до решения Учредительного собрания. При незначительности помещичьего землевладения в Удмуртии такая тактика отвечала, прежде всего, интересам зажиточных крестьян и кулаков, часть земель которых при советской власти была передана бедноте. В период мятежа начался процесс возврата земель, но широкого размаха он из-за краха эсеров не получил.

Учредиловцы не смогли окончательно определиться в вопросе о стоимости хлеба. Придя к власти, они установили предельный уровень цен, затем объявили о введении свободных цен на закупаемый для государственных нужд хлеб, привлекли к его заготовке кооперативы. Эти меры, однако, не заставили состоятельную часть деревенских жителей, в чьих руках находилась основная масса хлебных запасов, выбросить их на городские рынки. Они предпочитали либо его придерживать в ожидании роста цен, либо сбывать спекулянтам-перекупщикам, среди которых были и представители властей. Поэтому города переживали продовольственный кризис.

Важнейшее место в деятельности учредиловской власти занимала армия. Вслед за Самарским Комучем местные власти назвали ее народной. После краткого периода (около 10 дней) добровольчества эсеры начали строить ее на основе принудительного призыва, что привело к возникновению массового уклонения от воинской службы, породило дезертирство. Они восстановили ротные комитеты, рожденные Февральской революцией 1917 г. Несмотря на то, что их функции были ограничены в основном хозяйственными задачами и поддержанием дисциплины, они пытались вмешиваться в решение чисто военных задач. Это привело комитеты к столкновению с офицерами. Приказом по армии 19 ноября 1918 г. их деятельность была прекращена. В сентябре в армии были восстановлены звания и чины, а позднее возобновлено ношение погон.

Командование стремилось уменьшить влияние правых эсеров и меньшевиков на солдат, ревниво оберегало свою независимость. Военный отдел Прикомуча не вмешивался в решение боевых задач, ограничиваясь лишь поддержанием связи со

штабом армии. Численность народной армии колебалась от 30 до 35 тыс. человек. На фронте постоянно находились 8–10 тыс. бойцов, сведенных в роты. Позднее появились полки и бригады. Они входили в состав Ижевской, Воткинской и Сарапульской армий, которые в начале сентября были сведены под единое командование (главнокомандующий – полковник Д. И. Федичкин) и стали называться армией Прикомуча. Большое количество офицеров обеспечило достаточно высокий уровень боевой организации и подготовки. Командование широко использовало в борьбе с красными партизанские и диверсионные действия. Все это позволило повстанцам до середины сентября одерживать победы. Однако позднее армия частично утратила свою боеспособность, хотя ее добровольческие формирования сохраняли высокий боевой дух до разгрома мятежа.

Политика прикамских учредиловцев пошатнула их влияние и привела к сокращению числа сторонников. Она вызвала сомнения в демократизме эсеровского режима, заронила в души многих трудящихся подозрения в том, что действия Прикомуча не способствуют прекращению Гражданской войны и способны привести к установлению власти военных и буржуазии. Особое недовольство и возмущение населения вызвал массовый террор, свидетельствовавший, что Прикомуч в борьбе за власть использовал самые жестокие и бесчеловечные методы обращения со своими политическими противниками.

Ответом на действия эсеровского правительства был рост сопротивления его политике. Формы его проявления были различны: от глухого сдержанного ропота на растущие тяготы жизни до открытой борьбы с режимом. На территории, занятой мятежниками, возникло и действовало несколько партизанских отрядов. Как правило, руководили ими большевики или их сторонники. В городах и некоторых деревнях существовали небольшие группы подпольщиков. Основным их занятием была агитация среди населения и солдат народной армии. Она была достаточно эффективной и находила отклик и поддержку немалой части солдат и трудящихся Удмуртии. Она способствовала падению влияния эсеров и меньшевиков, отражала процесс ломки настроений в сторону советской власти.

Разгром мятежа. Возрастающее день ото дня сопротивление политике эсеров не было стихийным. Оно организовывалось и направлялось большевиками, действовавшими в глубоком подполье. Одной из первых возникла подпольная ячейка в механической мастерской Ижевского завода. Подобная группа, занимавшаяся сбором разведывательных данных, была организована и на Ижевском кирпичном заводе. Активно действовали в Ижевске и его окрестностях в августе – сентябре разведчики из красноармейского отряда А. М. Чеверева[145]. Они собирали военно-разведывательную информацию и распространяли рукописные прокламации с призывами к рабочим. Подпольная работа разворачивалась и в Воткинске. Разъяснительную работу среди горожан и сельского населения проводили сарапульские подпольщики. Благодаря работникам следственных органов, сочувствующих большевикам, удалось спасти от расстрела заключенную в тюрьму сестру руководителя сарапульских большевиков И. С. Седельникова[146]. Под влиянием подпольщиков усилился саботаж рабочих. Все попытки учредиловцев восстановить производительность заводов провалились.

Действия подпольщиков переплетались с вооруженной борьбой, которую вели с мятежниками партизанские отряды. В районе Ижевско-Воткинского мятежа в августе – ноябре 1918 г. в 12 партизанских отрядах сражалось более 5 тыс. бойцов. Дислоцировались они вокруг мятежного района: в южном направлении – отряд А. М. Чеверева и дружина С. В. Боброва, в юго-восточном – отряды П. И. Деткина, И. С. Кожевникова, Е. С. Колчина, в северо-восточном – отряды И. Р. Журавлева, А. К. Логинова,

Ф. А. Баклушина, в северном – Я. М. Широбокова и Н. Ф. Кузнецова. Отрядам сопротивления удалось не допустить дальнейшего захвата территории Удмуртии, не позволить мятежникам соединиться с другими белогвардейскими частями.

Второй и Третьей армиями Восточного фронта предпринимались попытки освободить Ижевск. Так, в августе был создан экспедиционный отряд под командованием В. А. Антонова-Овсеенко, которому удалось овладеть Гольянами, но на подступах к Ижевску он был разгромлен. Здесь сказались как недооценка сил мятежников, так и катастрофическое положение Второй армии, разбросанной на пятисотверстном фронте без снарядов, патронов, вооружения, не имеющей связи между своими частями и командованием. Предпринимал попытки овладеть Ижевском и отряд А. М. Чеверева. Однако партизанские отряды не могли разгромить армию противника. Главной силой борьбы с мятежниками должна была стать боеспособная регулярная армия.

Между тем молодое Советское государство было крайне озабочено судьбой Ижевска. В начале сентября по направлению ВЦИК в Вятку в целях восстановления Второй армии Восточного фронта прибыли опытные партийные работники С. И. Гусев, П. К. Штернберг и Г. Я. Сокольников. Вскоре они подобрали кандидатуру нового командующего армией. Им стал бывший царский полковник, выходец из семьи ремесленника В. И. Шорин. С. И. Гусев и В. И. Шорин отплыли на пароходе 8 сентября в Вятские Поляны, где проходила линия фронта. Уже 13 сентября В. И. Шорин начал принимать энергичные меры для установления связей с отрядами, действующими по рр. Вятке, Кильмези, Вале, в целях объединения их в одну боевую единицу и придания им организационной формы. Во исполнение этой задачи В. И. Шорин издал свой первый приказ, по которому маршевые роты Московского продовольственного отряда были сведены в один 1-й батальон, отряды Елабужской и Мензелинской групп составили 2-й батальон, отряды Анисимова и Никулина – 3-й батальон. Таким образом был создан 1-й Сводный полк (командир Крымкин, комиссар Светловидов). Из 1-го, 2-го Сводных полков (командир Горелов, комиссар Галин) и Смоленского полка была организована 1-я Сводная дивизия (командир И. Ф. Максимов). Арская группа войск В. М. Азина, выполняя приказ от 13 сентября, 15 сентября передислоцировалась из-под Казани в Вятские Поляны в распоряжение штаба Второй армии. Она насчитывала 3,5 тыс. штыков, 300 сабель и 14 орудий. Из нее была создана 2-я Сводная дивизия[147].

Шорин Василий Иванович *(1870 г., г. Калязино Тверской губернии – 1938 г.) – выдающийся военачальник. Учился в Казани сначала в гимназии, затем в пехотном юнкерском училище. В 1890 г. в числе лучших был направлен в Офицерскую стрелковую школу, затем командовал батальоном, полком, дивизией, участвовал в русско-японской, Первой мировой войнах, был дважды ранен. За боевые отличия награжден золотым именным оружием и Георгиевским крестом. Кроме того, имел два ордена Святого Станислава II и III степени и Святой Анны II и III степени. В годы Гражданской войны – командующий Второй армией Восточного фронта. После подавления мятежа – командующий Особой группой войск Южного фронта, Юго-Восточным фронтом, помощник Главнокомандующего Вооруженными Силами Республики по Сибири. В 1925 г. освобожден от действительной службы в связи с выходом на пенсию. Репрессирован. Реабилитирован в 1956 г.*

В. И. Шорин
Фотофонд НОА УИИЯЛ УрО РАН

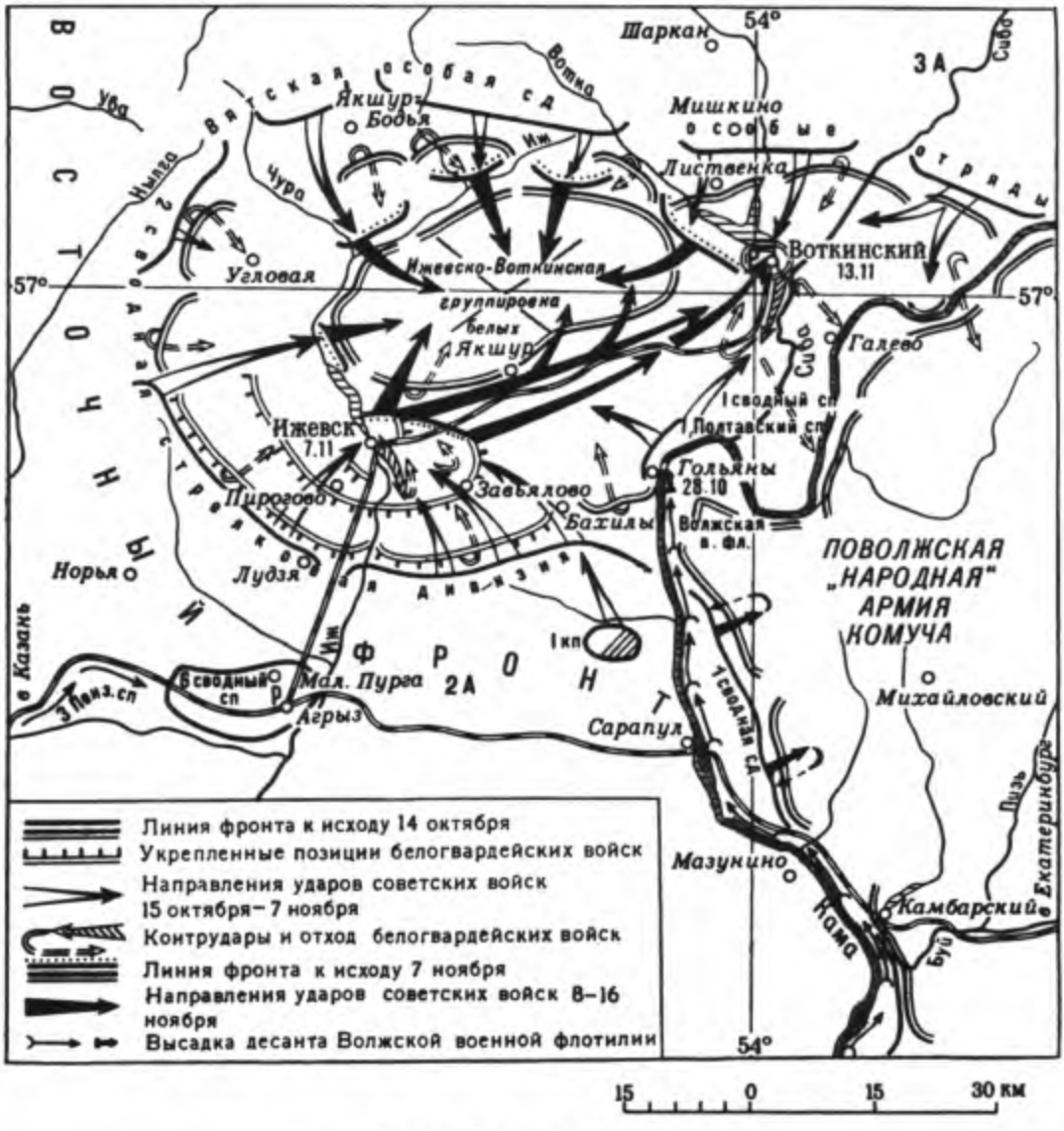
В. И. Шорин организовал работу чрезвычайной следственной комиссии для борьбы со шпионажем и подрывными элементами в армии, прифронтовой полосе и в ближайшем тылу. Одновременно разрабатывал операции по уничтожению мятежных групп, оперирующих в окружности.

Тем временем ижевские мятежники получили подкрепление в лице отступивших из Казани частей, а также белогвардейской флотилии адмирала Старка. В этой обстановке В. И. Шорин решил развивать наступление в двух направлениях: захватить Елабугу – южный ключ к Сарапулу и Ижевску – и двигаться от нее на север вдоль берега Камы к Сарапулу. Предполагалась следующая расстановка сил: по правому берегу вверх по течению двигаются части 2-й Сводной дивизии, а по левому – 1-й Сводной. Речная флотилия Ф. Ф. Раскольникова и отряд морских десантников И. К. Кожанова в зависимости от обстановки помогают им освобождать стратегически важные пункты. Части 1-й Сводной дивизии И. Ф. Максимова, двигаясь вдоль левого берега Камы, должны были заблокировать белогвардейские войска Прикомуча, с тем чтобы они не смогли оказать помощь ижевцам.

Основные силы дивизии Азина были направлены на Агрыз – Сарапул, с тем чтобы соединиться с группой А. М. Чеверева. На станции Сюгинская 23 сентября передовые части Азинской дивизии встретились с отрядом А. М. Чеверева, который в тот же день в полном составе был зачислен во 2-ю Сводную дивизию Азина. Штаб Восточного фронта 24 сентября издал приказ о наступлении Второй армии на Сарапул при участии Волжской военной флотилии Ф. Ф. Раскольникова.

В полевом штабе 28-й дивизии Восточного фронта. 1918
Фотофонд НОА УИИЯЛ УрО РАН

На 9 октября 1918 г. во Второй армии насчитывалось 11 873 человека, 8 685 штыков, 932 сабли, 184 пулемета, 32 пушки[148]. Но для решительного штурма Ижевска, насчитывающего в своей мятежной армии 18 тыс. человек и окруженного со всех сторон тремя рядами колючей проволоки и полнопрофильными окопами с блиндажами, сил еще было недостаточно. Реввоенсовет Второй армии решил, с одной стороны, развернуть работу с местным населением для пополнения армии добровольцами, а с другой – попросить Реввоенсовет Республики помочь воинскими частями и вооружением, а также прислать в армию видных политработников, поскольку политотдел армии до начала сентября состоял всего из пяти человек. Вскоре из Москвы для усиления партийной организации армии прибыла группа коммунистов с большим опытом партийной работы, среди которых были Е. М. Маленков, Г. Н. Пылаев, В. Сергеев, А. М. Лидэ, И. Н. Ароштам и др. Политотдел Второй армии, возглавляемый А. П. Кучкиным, начал издавать газету "Известия Второй армии", которую дублировал на удмуртском и татарском языке, а также листовки и воззвания на трех языках. Проводимая работа приносила свои положительные плоды. Сразу после освобождения станции Сюгинская в Азинскую дивизию влились 470 добровольцев из Можги. По распоряжению В. И. Ленина на помощь Второй армии были направлены 7-й латышский Баусский полк Тауманиса, имеющий в своем распоряжении 778 стрелков, 18 пулеметов, отряд кавалерии и артиллерийский дивизион[149]. Из центра также были направлены маршевые роты и три полка, Тамбовский авиационный отряд в составе



Ижевско-Воткинская операция
2-й этап (15 октября – 16 ноября 1918 г.)
Из энциклопедии "Гражданская война и военная интервенция в СССР". М., 1983

восьми самолетов и артиллерийские части. Дивизия Азина 4 октября 1918 г. освободила станцию Агрыз, а 5 октября – Сарапул. Миноносцы Волжской военной флотилии поднялись по Каме к пристани "Гольянская", захватили "баржу смерти", куда перед отступлением из Сарапула мятежники поместили более 700 арестованных, и доставили ее в Сарапул. По данным штаба Второй армии, было спасено 522 человека. Победы Второй армии и успешная агитационная работа вызвали брожение в рядах ижевских повстанцев, и они большими группами начали переходить на сторону красных.

В. И. Шорин 22 октября обсудил с В. М. Азиным оперативный план расстановки войск вокруг Ижевска, затем издал приказ № 200

Узники "баржи смерти", освобожденные Красной Армией. Сарапул, 1918
Фотофонд НОА УИИЯЛ УрО РАН

о штурме Ижевска, детально изложив боевую задачу каждого полка. В. И. Шорин одновременно предписывает частям, действующим на севере – Особой Вятской дивизии, 7-му латышскому Баусскому полку и особому отряду Третьей армии Восточного фронта Ю. Ю. Аплока – усилить продвижение войск на Воткинск и Якшур-Бодью. К началу ноября 1918 г. Ижевск и Воткинск оказались в кольце окружения, а 6–7 ноября состоялся штурм Ижевска. Сильнейшие бои развернулись в основном на Пироговских высотах, где после психической атаки ижевских мятежников и двухчасового рукопашного боя остались 1,5 тыс. убитых белогвардейцев. Ижевск был взят 7 ноября 1918 г. в 17 час. 40 мин. За умелое руководство боями, за проявленный героизм и мужество ВЦИК наградил орденом Красного Знамени командарма В. И. Шорина, начдива 2-й Сводной дивизии В. М. Азина, командира 3-го Сводного полка А. И. Северихина, командира 4-го Сводного полка А. М. Чеверева, командующего Волжско-Камской флотилией Ф. Ф. Раскольникова и др.

Воткинск был освобожден 13 ноября. В город одновременно вошли части Особой Вятской дивизии, 7-го латышского Баусского полка, 1-й и 2-й Сводных дивизий Второй армии. Противник поспешно оставил город. Не приняв серьезного боя, переправился через Каму и пошел на соединение с частями народной армии, наступающими со стороны Красноуфимска. Из народной армии Прикомуча были созданы два сильных воинских подразделения – Ижевская бригада и Воткинская дивизия, которые в конце 1918 – начале 1919 г. влились в колчаковскую армию.

К середине ноября 1918 г. территория Удмуртии была полностью очищена от войск мятежников. Тем самым в крае завершился этап Гражданской войны, получивший название "Демократическая контрреволюция". Регулярные боевые действия были перенесены за пределы Удмуртии, которая вновь перешла на положение прифронтового района.

Восстановление советской власти. Тяжелое наследство досталось советской власти. Учредиловцы оставили города без продовольствия, увезли огромные суммы денег, принадлежавшие заводам и кооперативам. При отступлении было эвакуировано, например, товаров и денежных средств Прикамского потребсоюза более чем на 2 млн. руб., что поставило его на грань краха. Такой же суммой измерялись потери Камбарского завода[150]. Около 8 млн. руб. задолжала администрация рабочим и служащим Ижевского и Воткинского заводов. На Воткинском заводе к тому же было выведено из строя почти все оборудование, а убыль в кадрах составила 44,4 % (на Ижевском заводе – около 45 %)[151]. С мятежниками ушли, часто вынужденно, тысячи

Митинг в Сарапуле при захоронении жертв военных действий. Октябрь, 1918
Фотофонд НОА УИИЯЛ УрО РАН

квалифицированных ижевских и воткинских рабочих, почти все инженеры и техники.

В этих условиях для восстановления разрушенного народного хозяйства пришлось приложить большие усилия. Первоочередное внимание уделялось налаживанию оборонных производств. Более трех тысяч рабочих были направлены зимой – весной 1919 г. на Ижевский завод из Петрограда, Москвы, Брянска, Нижнего Новгорода, Минска и других городов страны. Рабочие начали получать красноармейский паек. Принятыми мерами удалось поднять производство винтовок к марту 1919 г. с 600 до 1 200 шт. в день. Военные нужды обслуживал также Воткинский завод. Сарапульские фабрики поставляли в армию сапоги, камбарские кустари – военные повозки и шанцевый инструмент[152].

После разгрома мятежа в Удмуртии сложилась новая политическая ситуация. Исчезли местные организации правых социалистов: меньшевиков и правых эсеров. И дело было не только в том, что коммунисты наложили запрет на их деятельность. Значительную роль сыграла эвакуация многих сторонников правых социалистов с мятежниками и, что не менее важно, разочарование большого числа членов этих партий в их деятельности.

Одновременно ликвидировались небольшевистские левосоциалистические организации. Этот процесс на местах приобретал различные формы. В Камбарке большевики и максималисты объединились в единую организацию РКП(б). В Воткинске коммунисты распустили организацию максималистов. В Глазове еще летом 1918 г. левые эсеры, занимавшие ответственные посты в советских органах, на основании постановления президиума Уральского областного Совета были заменены большевиками. Пленум Вятского губкома РКП(б) 18 декабря 1918 г. распространил это решение и на максималистов, мотивируя его тем, что они, как и левые эсеры, "показали свою неспособность стоять на страже интересов трудящихся масс... своим поведением способствовали успеху белогвардейских восстаний"[153]. Безусловно, со стороны большевиков это был насильственный акт. Тем не менее неправомерно объяснять исчезновение организаций левых социалистов в Удмуртии исключительно большевистским насилием. Следует учитывать, что под воздействием событий Гражданской войны эти партии значительно утратили свое влияние, а авторитет большевиков как единственных защитников революции возрос. Поэтому часть их членов по идейным, а некоторые и по корыстным соображениям потянулись к большевикам.

Единственной организацией небольшевистских партий в Удмуртии осенью 1918 г. оставалась организация максималистов в Ижевске. Она, несмотря на переход многих видных членов в РКП(б), сохранила влияние, достаточное для того чтобы, невзирая на препятствия, чинимые большевиками, набрать почти равное с ними количество голосов на выборах в местный Совет в декабре 1918 г.

Изменилась к этому времени и сама большевистская партия. Среди ее руководителей и членов распространялось мнение о необходимости установления диктатуры партии. В Воткинске все политические партии, кроме коммунистов, были объявлены "вне закона"[154]. Ижевские большевики в ноябре 1918 г. провозгласили себя мобилизованными и потребовали от местных властей вооружить всех членов организации. В этих действиях явственно ощущалось влияние последствий мятежа, приведшего большевиков к временной утрате власти, и стремление не допустить подобной ситуации впредь. Осенью – зимой 1918–1919 гг. в Удмуртии фактически (за исключением Ижевска) сложилась однопартийная система.

После изгнания мятежников власть в уездных городах, Ижевске и Воткинске, кроме Глазова, где положение было относительно стабильным, сконцентрировалась у военно-революционных комитетов и Советов, назначенных командованием Второй ар-

мии. Они нередко действовали обособленно, не ставя в известность местные большевистские организации о проведении ими обысков, арестов, расстрелов, не учитывая особенностей положения на местах.

В Глазовском уезде за сентябрь 1918 г. ЧК расстреляла по политическим мотивам 14 человек[155], в Воткинске за ноябрь 1918 – начало 1919 г. казнено 120 человек[156], в Сарапуле в начале октября из 50 арестованных 10 подлежали расстрелу, к середине декабря 1918 г. в Ижевске расстреляны до 300 человек[157] *. Размах казней особенно заметен на фоне действий местной ЧК в мае – июне 1918 г., когда не было отмечено ни одного расстрела[158]. Среди казненных в Ижевске, Воткинске, Сарапуле было немало мародеров, насильников, бандитов. Но много оказалось среди них рабочих и крестьян, расстрелянных по не доказанным обвинениям в контрреволюции или из-за принадлежности к правым эсерам и меньшевикам.

Возмущение жителей и красноармейцев вызывали также повальные обыски, сопровождавшиеся многочисленными нарушениями законности. Резко осудил действия ЧК Ижевский комитет РКП(б). Конфликт с военной властью еще более обострился, когда Революционный гражданский совет (Д. Зорин, Р. Шапошников, Галанов, А. Катряев), в руках которого находилась власть в Ижевске, приступил к организации выборов в Совет рабочих и крестьянских депутатов, не прислушавшись к предостережениям местных большевиков, что "Совет избрать нельзя... пока симпатии народа не будут на стороне нашей партии". Более того, очевидно, для создания нужного исхода выборов армейская ЧК в ночь со 2 на 3 декабря 1918 г. устроила в домах горожан массовый обыск, отбирала оружие у коммунистов[159].

Эти действия не только раздражали и пугали население, но дискредитировали местные коммунистические организации и советские власти. Политика Ревграждансовета отразилась на результатах выборов в Совет, способствовав успеху максималистов. Они получили лишь на 4 депутатских мандата меньше, чем большевики. Ревграждансовет заявил, что ижевские рабочие контрреволюционны, и признал результаты выборов недействительными[160].

Ижевские коммунисты еще до выборов обвинили Ревграждансовет в установлении военной диктатуры, нарушении Конституции РСФСР, обратились за помощью в Вятку, грозили апеллировать к центру. Так же складывались обстоятельства в Сарапуле. В начале декабря Вятский губисполком указал штабу Второй армии, что "в Ижевске и Сарапуле творятся безобразия. Фронтовой Чрезком производит расстрелы, не считаясь с тяжестью вины, за одну только принадлежность к партии меньшевиков". Председатель губисполкома большевик И. В. Попов потребовал прекратить преступные действия и извещал, что Москва поставлена в известность о происходящем[161].

Решительные действия местных коммунистов возымели действие. Они взяли отделения армейской ЧК под свой контроль. Постепенно налаживались отношения и с военными ревкомами, а с уходом частей Второй армии на фронт ревкомы в Ижевске и Воткинске были сформированы из местных коммунистов, которые лучше знали обстановку и действовали более осторожно. Выборы в Советы здесь были отложены.

В деревне развернулось массовое создание комитетов бедноты, сопровождавшееся часто ликвидацией волостных и сельских Советов. Решающую роль в этом играли армейские политические органы, действия которых нередко расходились с решениями центральной власти и советским законодательством. К концу 1918 г. комитеты бедноты действовали почти в каждой деревне. Они фактически выполняли функции чрезвычайных органов власти и, опираясь

* В документе не указано, за какой срок они были расстреляны. Возможно, в их число вошли и те заключенные, которые были расстреляны красными как по уголовным, так и по политическим мотивам еще до освобождения Ижевска.

на поддержку неимущих и малоимущих крестьян, сыграли важную роль в перераспределении влияния на селе. В связи с боевыми действиями летом – осенью 1918 г. и прифронтовым положением Удмуртии комитеты бедноты слились с Советами в феврале – марте 1919 г., позднее, чем в центральных губерниях РСФСР.

Однако продовольственная политика властей, по-прежнему направленная на учет хлеба и изъятие не только его излишков, но часто и необходимого для воспроизводства крестьянского хозяйства, обложение состоятельной части чрезвычайным революционным налогом, необходимость выполнять гужевую, военную и другие государственные повинности вызывали недовольство сельского населения. Положение обостряли ошибки и произвол местных властей. Не редкостью были случаи неправильного обложения чрезвычайным налогом, силовые методы его взимания. Вопиющий случай произошел в Юрской волости Глазовского уезда, где по приказанию председателя исполкома подверглись истязаниям некоторые граждане, отказавшиеся платить революционный налог. Попирая чувства верующих, он также организовал конфискацию предметов религиозного культа в местной церкви в подчеркнуто оскорбительной для прихожан форме. События имели громкий общественный резонанс. Весь состав волостного исполкома 25 января 1919 г. был предан суду Ревтрибунала при штабе Третьей армии. Обстановка в деревне благоприятствовала сохранению влияния "крепкого" крестьянства, которое нередко провоцировало волнения и вооруженные восстания в деревне. Так, в ноябре – декабре 1918 г. крестьянские выступления отмечены в Люкской волости Сарапульского и Верхосунской волости Глазовского уездов[162].

В связи с приближением колчаковских войск в начале 1919 г. во всех уездных городах и отдельных волостях Удмуртии были созданы ревкомы, началась мобилизация в Красную Армию. По существу, с осени 1918 г. территория Удмуртии, прежде всего ее южная часть и крупнейшие промышленные центры, находилась на чрезвычайном положении.

Завершающий этап Гражданской войны. Весной 1919 г. война вновь пришла на землю Удмуртии. Начался завершающий этап Гражданской войны на ее территории. Он имел некоторые особенности в сравнении с событиями весны – лета 1918 г. Тогда вооруженная борьба явилась результатом столкновения местных сил в форме крупномасштабного восстания против советской власти. Теперь боевые действия были перенесены на территорию края извне, из восточных районов России войсками адмирала А. В. Колчака.

Колчаковцы наступали двумя главными армиями: Сибирской (под командованием генерал-лейтенанта Р. И. Гайды) и Западной (под командованием генерал-лейтенанта М. В. Ханжина), преследовавшими цель двустороннего наступления на Москву. На территории Удмуртии вела боевые действия в основном Сибирская армия. В начале апреля ее части захватили Камбарку, 7-го – Воткинск, 10-го – Сарапул, 13-го – Ижевск, 15-го – вступили в пределы Елабужского уезда. Вместе с другими колчаковскими соединениями в боевых действиях в крае участвовала Воткинская дивизия, созданная на основе формирований мятежников, под командованием полковника Г. Н. Юрьева. Им противостояли Третья армия (под командованием С. А. Меженинова) и Вторая армия (под командованием В. И. Шорина) Восточного фронта.

Стремительное продвижение колчаковцев было обусловлено рядом причин. Важнейшая из них – недовольство основной массы крестьянства продовольственной диктатурой, неспособностью советской власти установить законный порядок, поставить заслон преступности. Успехам белых также способствовали усталость красных войск, их частичная деморализация, численный перевес колчаковцев[163]. Особенно тяжело было населению волостей, расположенных в прифронтовых районах. Здесь, как отме-

чал отдел управления Глазовским уездом, крестьянство страдало от произвола неизвестных вооруженных отрядов. Для того чтобы пресечь бесчинства мародеров, приходилось прибегать к силе. Так произошло в Тольенской волости, где против подобного отряда были брошены красноармейцы.

Поездка в январе 1919 г. руководителя воткинских большевиков Ф. А. Баклушина по восьми волостям Сарапульского уезда произвела на него весьма неблагоприятные впечатления. Он отмечал, что сельское население "к событиям относится пассивно, поскольку они не затрагивают его интересов"[164]. Большинство крестьян остались безучастными к пропаганде перехода к общественной обработке земли, которую вели советские и партийные органы. Поэтому, несмотря на помощь государства кредитами, иные льготы, количество общественных хозяйств увеличивалось медленно. К началу 1919 г. в Удмуртии насчитывалось 28 коммун, 4 сельхозартели и 24 товарищества по совместной обработке земли.

Регулярные боевые действия обеих армий в 1919 г. охватили бульшую, чем ранее, территорию Удмуртии, распространились на ее северные районы. В начале июня колчаковцы захватили Глазов. В крае установилась военная диктатура. Уже этим она отличалась от гражданского режима Прикомуча. Существенно и то, что она была более реакционной, ассоциировалась у многих трудящихся с реставрацией дореволюционных порядков. Политика новых властей оправдала эти опасения. Советы были запрещены, цеховые и заводские комитеты распущены. Началось восстановление городского и земского самоуправления. В Сарапул приехали деятели судебного ведомства, готовился к открытию окружной суд. Претензии на утраченную собственность предъявили бывшие помещики и состоятельные крестьяне. Процесс подготовки к возврату им земли развернулся в Елабужском уезде. Правда, за кратковременностью пребывания белых в Удмуртии он так и остановился на этой стадии.

В отличие от событий лета – осени 1918 г., заставших большевиков врасплох, теперь они имели время и возможности для эвакуации людей, учреждений и предприятий. Председатель эвакуационной комиссии в Ижевске В. А. Шумайлов уже после захвата колчаковцами Ижевска докладывал Реввоенсовету Второй армии: "Нервы оружейного завода… в наших руках… и только с нашим возвратом завод может быть сравнительно скоро восстановлен"[165]. Наполовину был демонтирован Воткинский завод. Красные вывезли 284 вагона с его имуществом и оборудованием.

Надежды колчаковского правительства с захватом заводов уменьшить зависимость от заграничных поставок вооружения и снаряжения не оправдались: за два месяца удалось изготовить в Ижевске лишь 249 винтовок[166]. Едва теплилась жизнь на Воткинском заводе, в цехах которого работало не более 15–25 % прежнего состава рабочих.

Колчаковцы установили в захваченных районах режим жестокого террора. Только в Воткинске были заколоты и расстреляны более 2 тыс. человек. В одном лишь Устиновом логу было обнаружено после ухода белых около 800 трупов[167]. В смежном с Удмуртией Осинском уезде Пермской губернии, где действовала Воткинская дивизия, по неполным данным, были расстреляны 180 человек, погибли в тюрьмах

Жертвы белогвардейского террора в Воткинске. 1919
Фотофонд НОА УИИЯЛ УрО РАН

250 человек[168]. Кощунственным надругательствам подвергались могилы и тела погибших коммунистов и красноармейцев, сторонников советской власти. Заставив жителей раскопать в Воткинске братскую могилу, колчаковцы издевались над телами 80 умерших, а затем сожгли их за городом. Немало таких бесчинств творилось в других городах и селах Удмуртии[169].

Воспоминания очевидцев и пострадавших свидетельствуют, что население сталкивалось с ограничениями в приеме на работу, подвергалось арестам из-за родственников, служивших в Красной Армии, ЧК, из-за участия в работе цеховых комитетов. Многих бросали в тюрьмы не только из-за принадлежности, но и из-за сочувствия большевикам, другим левосоциалистическим партиям.

Колчаковское нашествие снивелировало разногласия между большевиками и ижевскими максималистами. Перед уходом красных из Ижевска члены местной организации максималистов получили оружие вместе с коммунистами. Те из них, кто остался на захваченной территории, вступили в подпольную борьбу с белогвардейцами. К сожалению, о деятельности партизан и подпольщиков в Удмуртии известно немного. Это движение было более организованным, чем в 1918 г., направлялось коммунистами. Его действия координировало Вятское отделение Урало-Сибирского бюро ЦК РКП(б). Подпольщики распространяли листовки среди населения уезда, собирали информацию для Красной Армии, поддерживали связь с партизанскими отрядами. Крупнейшим среди них был отряд под командованием большевика Н. Ф. Кузнецова. Он насчитывал 700–800 бойцов, в основном крестьян Афанасьевской, Бисеровской, Гординской и других волостей Глазовского уезда.

Изгнание колчаковских войск с территории Удмуртии. Правительство Советской республики было обеспокоено положением на Восточном фронте. Для выяснения причин поражения Красной Армии 1 января 1919 г. была создана партийно-следственная комиссия ЦК РКП(б) и Совета обороны в составе членов ЦК Ф. Э. Дзержинского и И. В. Сталина. Комиссия прибыла сначала в Вятку, а затем в Глазов, в штаб Третьей армии. В. И. Ленин 14 февраля 1919 г. послал телеграмму Реввоенсовету Восточного фронта, а 10 апреля обратился к питерским рабочим с просьбой мобилизовать все силы на помощь Восточному фронту: "...там решается судьба революции"[170]. Кроме того, 11 апреля 1919 г. вышли в свет "Тезисы ЦК РКП(б) в связи с положением Восточного фронта". Чтобы приостановить продвижение врага, были приняты экстренные меры: объявлена срочная мобилизация в прифронтовой полосе (за апрель – май 1919 г. только в 30-ю дивизию поступило пополнение – около 9 тыс. человек, в том числе почти 4 тыс. партийцев и комсомольцев); увеличено производство оружия и боеприпасов (если в апреле в Советской республике было изготовлено 16 тыс. винтовок, то в июле – уже 43 тыс.).

В результате принятых мер колчаковцы были остановлены по всей линии фронта, проходившей вдоль р. Вятки, лишь отдельным частям белых удалось переправиться за реку, где они подверглись полному разгрому. В то время, когда Сибирский корпус генерала А. Н. Пепеляева продолжал наступление на Глазов в целях продвижения на Вятку – Котлас, с тем чтобы соединиться с армией Е. К. Миллера, идущего со стороны Архангельска, части Пятой армии М. Тухачевского и Второй армии В. И. Шорина уже начали контрнаступление, перехватив в свои руки стратегическую инициативу. В ночь с 24 на 25 мая части 28-й дивизии В. М. Азина при активной помощи дивизионов Волжско-Камской флотилии П. И. Смирнова начали переправу. Флотилия П. И. Смирнова состояла из 21 канонерской лодки, сведенных в пять дивизионов, плавучей батареи, шести сторожевых и десяти посыльных судов, воздушного дивизиона (11 гидросамолетов), воздухоплавательного отряда и десантного отряда И. К. Кожанова (800 моряков). В первый день наступления

40-й полк В. И. Чуйкова вступил в бой, опрокинул боевое охранение противника, ошеломленного внезапностью и силой удара, и продвинулся на 15–20 км на главном направлении Мамадыш – Елабуга. За два дня боев правофланговые полки 28-й дивизии разбили шесть полков колчаковцев и продвинулись вперед на 50 км. Елабуга была освобождена 25 мая, Агрыз – 1 июня, Сарапул – 3 июня.

Одновременно В. И. Шорин начал наступление и в центре расположения армии – по линии Казанбургской железной дороги, где располагалась 7-я дивизия А. В. Соболева, а севернее – 21-я дивизия Г. И. Овчинникова. На левом фланге Второй армии на стыке с Третьей армией вели наступление 5-я дивизия Ф. Лепика и отряд Шаронова.

В операции по освобождению южной и средней частей Удмуртии от колчаковцев блестяще проявились полководческие способности В. И. Шорина. Он сумел обмануть колчаковских генералов, демонстрируя, что главный удар армии будет нанесен по мосту через р. Вятку. Здесь противник сосредоточил основные силы. А В. И. Шорин нанес удар южнее, и, когда Азинская дивизия через семь дней начала наступление, уже дошла до Сарапула и продолжала идти на север, создалась реальная угроза окружения. Белые попытались передислоцировать свои части. В результате контрнаступления 3 июня они заняли Агрыз, но уже 5 июня были разбиты и изгнаны из него. В это время был взят мост через р. Вятку, и 7 июня частями 7-й дивизии А. В. Соболева и 28-й дивизии В. М. Азина освобожден Ижевск. Г. И. Овчинников вел наступление севернее Ижевска, 11 июня 1919 г. был взят Воткинск. Красноармейцы достигли берега Камы и начали подготовку к переправе.

Командование Сибирской армии попыталось задержать наступление Восточного фронта и подготовило удар в глазовском направлении. Глазов был захвачен белыми войсками 3 июня, 6 июня Особая бригада М. В. Васильева начала контрнаступление, а 7 июня перешла в контрнаступление и Третья армия. Частями 29-й дивизии В. Ф. Грушецкого 13 июня был освобожден Глазов. Отряд И. К. Кожанова в тот же день захватил Камбарку. Вторая и Третья армии Восточного фронта, форсировав Каму, двинулись к Кунгуру, Перми и Екатеринбургу. Эти события завершили вооруженную борьбу на территории Удмуртии. Ее жители продолжали сражаться до конца 1922 г. в рядах красных и белых, в частности в ударных колчаковских дивизиях – Воткинской и Ижевской, но уже за пределами края: на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке.

Ликвидация последствий военных действий. События 1918–1919 гг. оставили опустошительный след в Удмуртии. Контрреволюционеры замучили и расстреляли, по официальным советским данным, почти 9 тыс. человек, около 3 тыс. стали инвалидами, почти 11 тыс. подверглись различным видам насилия. Народному хозяйству и населению причинен большой материальный урон: уведено свыше 21 тыс. лошадей, 29 тыс. коров, сожжено более 3 тыс. жилых домов. Значительные потери понесла промышленность[171]. Только на Воткинском заводе убытки составили более 5,8 млн. золотых руб.[172]

Ощущалась острейшая нехватка квалифицированных рабочих кадров. На Ижевском заводе осталось 31,2 % довоенной

Командный состав Ижевско-Воткинской бригады. 1922
Фотофонд НОА УИИЯЛ УрО РАН

численности рабочих, на Воткинском – 21,5 %, причем квалифицированных – только 5–7 %. Заводы фактически полностью лишились инженеров и техников. Колчаковцы сожгли почти весь Камский флот: 50 пароходов, 39 барж и дебаркадеров. На Пермской железной дороге было взорвано более 40 мостов, уничтожены сотни паровозов.

Политика грабежа и насилия напугала и сделала противниками белых даже тех, кто еще недавно ожидал их прихода как освобождения. Неприятие и боязнь возвращения колчаковцев доминировали, например, среди делегатов Елабужского уездного съезда Советов (июль 1919 г.), большинство из которых – беспартийные крестьяне. Но неоднозначным было отношение населения и к красным. Благодарность за освобождение от колчаковского диктата и насилия еще не означала безоговорочного признания советской власти. Красные тоже казнили и увечили людей, от их снарядов горели хлеба и селения, они также реквизировали имущество и скот.

Мост через Каму, взорванный в ходе боевых действий
Фотофонд НОА УИИЯЛ УрО РАН

Из сведений об убытках, понесенных Воткинским заводом с августа 1918 г. по апрель 1920 г., зол. руб.

Взято и израсходовано из кассы завода	*519 154-61*
Конфискованы	
157 лошадей	*149 105*
Шансовый строительный инструмент	*2 823-91*
Кожи, ремни и др.	*4 139-60*
2 парохода, 12 барж	*161 775-31*
Паровоз	*37 529*
5 комплектов для паровозов	*62 715*
Железо, мазут, дрова для флотилии	*39 960*
Разный инструмент и приборы	*180 020-30*
Разрушены	
Оборудование, машины, станки	*694 182-40*
Мост на Камско-Воткинской железной дороге	*14 719-75*
Расходы	
На вынужденную эвакуацию	*3 887 862–09*
На выдачу пособий семьям убитых, расстрелянных, замученных в тюрьмах и баржах	*52 029-69*
Всего	*5 805 962–67*

Из книги "Воткинск. Документы и материалы. 1758–1998". Ижевск, 1999. С. 177

Война вышла за пределы края, но обстановка осталась напряженной и противоречивой. Став тыловым районом, Удмуртия оставалась частью страны, охваченной Гражданской войной, разрухой и эпидемиями, прежде всего тифом. Большие трудности переживала промышленность. В конце 1920 г. из 1 820 промышленных заведений в Удмуртии бездействовало 301. Численность занятых на производстве не превыша-

ла 28,5 тыс. человек. Уровень их жизни был низким и нестабильным. Относительной устойчивостью выделялось продовольственное положение рабочих оборонных Ижевского и Воткинского заводов, благодаря красноармейскому пайку. Да и заработки у них были выше. Хуже жилось занятым на предприятиях местной промышленности и служащим советских учреждений. Поэтому рабочие и служащие жаловались на недостаточность своего заработка. Всеобщее недовольство вызывал острейший дефицит товаров первой необходимости: керосина, спичек, чая, соли, мануфактуры.

Одним из средств скорейшего восстановления разрушенного хозяйства стали субботники. Первый в Удмуртии коммунистический субботник был организован 5 июля 1919 г. на Постольско-Узгинской железной дороге. Его участники отремонтировали три вагона, подготовили к отправке в депо шесть неисправных паровозов и один паровоз восстановили сами. Функции координатора и руководителя выполняло специально созданное при Ижевском горкоме РКП(б) бюро субботников[173]. В Сарапуле первый субботник состоялся 13 сентября, в Глазове – 28 сентября 1919 г.

Негативные изменения за годы революции и Гражданской войны произошли в сельском хозяйстве. Под влиянием экономических и политических потрясений, боевых действий сократились посевные площади, прежде всего главных зерновых культур: ржи и овса, а также картофеля. Упала их урожайность. Изношенность сельскохозяйственного инвентаря доходила до 40–50 %. Снижался и уровень потребления сельского населения. С 3 436 калорий в день на едока в 1919/20 сельскохозяйственном году в вятской деревне он уменьшился до 2 900 калорий в 1920/21 г.

Социализация земли и разорение деревни, связанные с Гражданской войной, привели к масштабным изменениям в социальной структуре крестьянства. В 1919 г. почти не осталось крупно- и беспосевщиков, уменьшилось число зажиточных хозяйств. Глубину качественных изменений в крестьянстве определило то, что существовавшее до революции деление его на социальные группы оказалось в значительной мере стертым. Социальный облик крестьянства теперь определяли мелкие и средние хозяева. На фоне возросшей социальной однородности деревни менее заметными оказались подвижки в соотношении политического влияния основных групп крестьянства. Влиятельной оставалась обиженная революцией общинная верхушка. Известная инерционность общественного сознания, особенно заметная в консервативной крестьянской среде, обеспечила ей на какое-то время частичное сохранение былого общественного статуса и притязаний на лидерство, усиленных жаждой социального реванша.

С учетом новых реалий, корректируя на ходу доктринальные схемы, строили большевики свою политику в деревне. Особенно важное значение имели решения VIII съезда РКП(б) об отношении к среднему крестьянству, принятые в марте 1919 г. Они были рассчитаны на длительное сотрудничество государства и правящей партии с этой категорией населения, которая вместе с беднотой доминировала в деревне. Съезд ставил во главу угла оказание крестьянам всесторонней помощи в упорядочении землепользования, снабжении улучшенными семенами, ремонте сельскохозяйственного инвентаря, устройстве прокатных пунктов, агрономическом содействии и т. д.

Колчаковское вторжение в Удмуртию заставило отодвинуть в сторону выполнение этих решений. Однако после восстановления советской власти меры по поддержке села заняли определенное место в деятельности государственных и партийных органов. Поддержали их и многие рабочие. В августе 1919 г. во всех волостях Сарапульского уезда действовали прокатные пункты, имевшие значительное количество сельскохозяйственной техники: 93 жатки, 6 косилок, 16 конных граблей, 22

молотилки с приводами, 50 плугов. Их обслуживали семь ремонтных мастерских. Рабочие заводов Северо-Вятского горного округа передали крестьянам Глазовского уезда 18 молотилок, 120 жаток и сенокосилок, 10 льносеялок, 24,5 тыс. кос и серпов, другой сельскохозяйственный инвентарь[174].

В 1920 г. масштабы помощи крестьянам заметно расширились, появились новые формы ее осуществления. В июле – сентябре были проведены недели и месячники содействия крестьянам. На бывшей фабрике В. И. Петрова в Ижевске организовали центральную мастерскую по ремонту сельхозинвентаря. Почти 400 рабочих трудились по 4 часа ежедневно в свободное время и за неделю отремонтировали 200 плугов, 12 молотилок и т. д. Ижевские рабочие и служащие выезжали на село. В Гольянской волости они построили 2 дома, засеяли 56 дес. земли, принадлежащей семьям бедняков и красноармейцев, привели в порядок 4 молотилки, более 200 телег и т. д. Стоимость аналогичной помощи крестьянам, оказанной рабочими Воткинска, превысила 913 тыс. руб.

Свою лепту внесли и государственные предприятия и учреждения. Ижевский и Воткинский заводы в 1919 г. отправили в деревню более 20 тыс. пудов железа, 1 400 кулей угля, на 20 тыс. руб. подковных гвоздей и красок и т. д. Знаменательное решение принял сарапульский уездный продовольственный комитет, который 24 июля 1919 г. постановил 90 % всех товаров, идущих на товарообмен, отдавать крестьянам, несмотря на ущемление интересов городского населения.

Помощь города деревне не ограничивалась проведением краткосрочных кампаний. В феврале – марте 1920 г. решением Глазовского уездного комитета РКП(б) все мастерские города были переведены на ремонт сельскохозяйственной техники. Этот почин распространился и на другие города и рабочие центры Удмуртии (Сарапул, Воткинск, Ижевск).

Активизировалась также культурно-просветительная работа в деревне. Только из Ижевска в августе 1919 г. крестьянам было направлено книг и листовок на 26 тыс. руб. Набирал силу процесс ликвидации неграмотности сельского населения. Эта работа сопровождалась агитацией и пропагандой советских идей. При уездных районных комитетах были созданы специальные отделы по работе в деревне. В каждой волости действовал партийный агитатор.

По указанию ЦК РКП(б) и правительства в июне 1919 г. в районы Поволжья, освобожденные от колчаковцев, был направлен агитационно-инструкторский пароход "Красная звезда", на котором выезжала специальная группа инструкторов ЦК РКП(б) и ВЦИК. В ее составе находилась член коллегии Наркомпроса РСФСР Н. К. Крупская. Группа оказала большую помощь местным партийным и советским организациям, проводила инструктажи, митинги, распространяла политическую литературу.

Усилия, направленные к сближению с деревней, не остались не замеченными крестьянами. Но их отчужденность и недоверие, основанные на противоречивом, а часто и горьком опыте общения с городом и властью, преодолевались медленно. И успешнее это происходило там, где помощь не была обезличенной, где она осуществлялась в форме непосредственного участия рабочих и служащих в сельхозработах, подготовке и ремонте земледельческого инвентаря. Тем более что такое сотрудничество совпадало с представлениями крестьян-общинников о трудовой этике и положительно оценивалось ими.

На позицию крестьян нерусских национальностей благотворно влияло уважительное отношение горожан и власти к их традициям и обычаям. И хотя это бывало далеко не всегда, продовольственные органы старались осторожно подходить к вопросу о принудительном обмолоте старых кладей у удмуртов.

Свидетельством изменений, происходящих в сознании определенной части крестьян, стал рост коммунистических организаций на селе. В Глазовском уезде в 1920 г.

была 41 волостная ячейка с 600 членами партии, в Малмыжском – 40 ячеек, объединивших 773 члена и 109 кандидатов, в Сарапульском – в 32 ячейках насчитывалось 2 486 членов и 356 кандидатов. Их сеть дополнялась организациями сельских комсомольцев. К концу декабря 1919 г. более 20 организаций РКСМ действовало только в Сарапульском уезде[175].

Однако коммунистическое влияние в деревне росло медленно. Эта замедленность во многом порождалась противоречивостью большевистской политики на селе. Для нее характерен дисбаланс в использовании методов добровольного, ненасильственного привлечения крестьян на сторону советской власти и крайне жесткого, административного, нередко с помощью силовых структур и оружия понуждения к выполнению многочисленных и обременительных государственных повинностей, значительная часть из которых была связана с войной. Крестьяне, никогда не мирившиеся с этой частью политики коммунистического режима, тем более не желали подчиняться ей на завершающем этапе Гражданской войны, когда отпала угроза реставрации старых порядков. Поэтому, как и по всей России, в Удмуртии ширилось недовольство политикой правящей партии, особенно продразверсткой.

Это сопротивление нельзя отождествлять с симпатиями белому движению. Крестьяне были категорически против реставрации помещичьего землевладения. Но неверно считать его и антисоциалистическим, прежде всего потому, что крестьяне не придерживались определенной политической ориентации. Понятия "социализм" и "коммунизм" оставались для них отвлеченными и расплывчатыми. Их отношение к партиям определялось сугубо прагматическими соображениями.

Продразверстка тяжелым бременем придавила деревню, особенно в южных прикамских уездах – житнице Вятской губернии. По разверстке урожая 1918 г. только Елабужский уезд поставил государству 1,5 млн. пудов, или 20,3 % общего объема хлебофуража, заготовленного в губернии. Другой уезд – Сарапульский – в 1919 г. обеспечил выполнение 24,6 % губернской разверстки, сдав 3,2 млн. пудов хлеба[176].

Для многих крестьян разверстка оказывалась непосильной, что, по сообщению продовольственных органов, вызывало появление массы жалоб. На их сторону становились и многие сельские и волостные исполкомы Советов и ячейки РКП(б), которые в некоторых случаях не только не содействовали выполнению продразверстки, но даже проявляли отрицательное к ней отношение. В марте 1920 г. такие факты имели место в Кельчинской, Полозовской и Перевозинской волостях Сарапульского уезда, считавшихся лояльными к власти. За противодействие продотрядам низовые партийные и советские работники подвергались наказаниям вплоть до ареста, что ставило их в сложное положение, рождало боязнь репрессий и провоцировало пассивность.

Продовольственные органы стремились осуществить государственный наряд полностью. В 1919 г. Сарапульский уезд оказался первым в губернии, выполнившим его на 100 %, а Глазовский уездный продовольственный комитет в мае 1920 г. рапортовал о 108 % реализации плана хлебозаготовок[177]. Такая политика доводила государственное давление на деревню до предела. Она ставила крестьянина в крайне затруднительное положение. Поэтому нередкими были случаи категорического отказа от принятия разверстки полностью или частично. Другой распространенной формой крестьянского саботажа являлось утаивание хлеба. По существу, крестьяне (исключая крайне малочисленную группу крупных держателей хлеба) таким способом отстаивали свое право на существование.

Крестьянские сетования вызывали у многих местных продработников скептицизм и подозрения в неискренности. Они нередко объясняли их поведение исключительно

эгоистическим стремлением зажиточного крестьянского слоя сохранить за собой как можно больше хлебных запасов. Часто причину видели и "в малом сознании населения своего революционного долга перед трудящимися массами Центра"[178].

В результате основным способом выполнения плана хлебозаготовок становилось принуждение. В Малмыжском уезде в ходе хлебозаготовительной кампании 1919 г., например, под стражу был заключен 21 крестьянин. Вскоре их освободили по амнистии. Но аресты "от пяти до двадцати суток на голодный паек" продолжались. "Эта мера, – утверждал заместитель упродкомиссара, – сильно действует на население". В качестве радикального средства борьбы с упорствующими крестьянами он предложил реквизировать весь хлеб в непокорных селениях, ссыпать его в государственный фонд и выдавать жителям помесячно "полуголодный паек, каковым питаются рабочие Центра"[179]. Понятно, что такие "воспитательные" меры не могли успокоить крестьян и нормализовать их отношения с властью.

Продразверстка обострила и внутрикрестьянские отношения. Она усилила противоречия между беднейшими слоями сельского населения и "хлебными" крестьянами. Удовлетворяя просьбы отдельных селений о снятии с них полностью или частично разверстки из-за невозможности ее выполнить, продорганы чаще всего перекладывали это задание на другие деревни, что множило взаимные обиды и неприязнь. При многоэтничном составе населения Удмуртии неправильное распределение разверстки вносило дополнительное напряжение в межнациональные отношения. На II губернском съезде национальных меньшинств в Малмыже (1920 г.) делегаты Волипельгинской, Старотрыкской, Шадринской, Ципьинской и Уржумской волостей сообщили о распределении хлебного наряда на местах по национальному признаку: норма сдачи у удмуртов оказалась выше, чем у русских[180]. С подобной дискриминацией в многонациональных деревенских сообществах сталкивались, впрочем, не только удмурты, но и крестьяне других национальностей, включая русских. При этом страдающей стороной нередко оказывался тот этнос, который составлял меньшинство в селении или волости.

Крестьянский протест проявлялся также в дезертирстве и уклонении от службы в армии. В Удмуртии движение дезертиров не получило такого размаха, как в губерниях Центральной России, не было здесь отмечено и крупных их восстаний. Однако оно было достаточно массовым и проявлялось в формах, враждебных большевистской политике. Дезертиры имелись во многих волостях края. Только в Исенбаевской волости Сарапульского уезда в начале ноября 1919 г. их насчитывалось около 800 человек[181]. Вооруженные дезертиры собирались также в лесах около своих деревень в Якшур-Бодьинской, Кельчинской, Нылги-Жикьинской, Кыйлудской и других волостях того же уезда. В феврале 1920 г. в семи волостях Елабужского уезда было выявлено 369 дезертиров. Они не питали симпатий к коммунистам, а многие при удобном случае готовы были расправиться с ними. Так, в октябре 1919 г. от их рук в Исенбаевской волости погиб советский активист. Нападение банды из 50 дезертиров на крестьян-коммунистов д. Габгурт Христорождественской волости Малмыжского уезда закончилось убийством трех коммунистов и их жен[182].

Попытку объединить дезертиров, действовавших в лесах под Ижевском, терроризировавших окрестное население, и поднять восстание против советской власти предприняла в конце августа 1920 г. подпольная организация во главе с Ф. Окуловым и с бывшим офицером Н. Кривоноговым. На 1 сентября был намечен захват Ижевского завода и прилегающих к городу волостей. Но повторить мятеж 1918 г. не удалось. Накануне выступления милиция арестовала более 40 участников организации, в том числе 10 ее руководителей (Н. Криво-

ногов и Ф. Окулов при оказании вооруженного сопротивления застрелены). Были также высланы отряды для поимки дезертиров[183].

Недовольство крестьян политикой продразверстки поддержали ижевские эсеры-максималисты. В сентябре 1919 г. члены организации вели агитацию против продовольственной политики власти в Июльской, Чутырской и других волостях вокруг Ижевска. Они убеждали население, что изменить политику хлебозаготовок возможно только тогда, когда власть будет находиться у "всего трудящегося класса", а не только у коммунистов. Лишь при этом условии она станет "истинно советской"[184]. В феврале 1920 г. максималисты поддержали восстание крестьян в Мензелинском уезде Уфимской губернии (в 100–150 км от Сарапула). Они вели широкую агитацию среди рабочих под лозунгами: "Долой комиссародержавие!", "Вся власть на места!", рассчитывая поднять местных крестьян в поддержку мензелинцев. Деятельность максималистов усиливала брожение среди рабочих, не довольных задержками в выплате заработка, нерегулярной выдачей пайка, полуголодным существованием и уставших от войны. Действия максималистов, направленные против монополии коммунистической партии, бюрократизации Советов, отражали растущее недовольство населения политикой "военного коммунизма". Они вызвали со стороны большевиков обвинения в антисоветском заговоре и повлекли за собой арест многих членов организации, переход ее на нелегальное положение.

Начало XX в. стало для России периодом социальных и экономических катаклизмов. Удмуртия имела к этому времени большой военный и экономический потенциал. Это обстоятельство делало особенно заметным общегосударственное значение края и в значительной мере определило ожесточенную политическую и военную борьбу противоборствующих сторон за обладание им в ходе Гражданской войны. Наиболее трагическая страница его истории – мятеж 1918 г. в Ижевско-Воткинском районе, который стал одним из самых крупных и продолжительных антисоветских вооруженных выступлений в Советской России. Именно в Удмуртии были остановлены и разбиты ударные силы колчаковских войск, отсюда началось их отступление на Урал, в Сибирь и на Дальний Восток. В сложных условиях перехода от Гражданской войны к миру начались хозяйственные и политические преобразования, наметились определенные социально-культурные сдвиги.

Ссылки на литературу и источники

[1] *Пехтерев Ф.* Союзное строительство в Вятской губернии // Вестник кооперативных союзов. 1918. Вып. 2. С. 174.

[2] *Адамов В. В.* Особенности формирования горнозаводского пролетариата Урала // Рабочий класс и рабочее движение в России. 1861–1917. М., 1966. С. 177.

[3] *Сухов В. А.* Русские оружейные заводы в эпоху империализма // Рабочие оружейной промышленности в России и русские оружейники в XIX – начале XX в. Л., 1976. С. 74.

[4] *Горбов М.* Ижевские оружейники. Ижевск, 1963. С. 18.

[5] *Шумилов Е. Ф.* Город оружейников. 1807–1917. Ижевск, 2002. С. 460.

[6] *Изметинский Н. Л., Михайлов Л. Е.* Ижевские ружья. Ижевск, 1995. С. 18.

[7] ЦГА УР, ф. 4, оп. 1, д. 4462, л. 16.

[8] Там же. Д. 4463, л. 17 об., 18.

[9] Установление и упрочение Советской власти в Вятской губернии: Сб. документов. Киров, 1957. С. 56–57.

[10] ЦГА УР, ф. 4, оп. 1, д. 4471, л. 45.

[11] *Лигенко Н. П.* Купечество Удмуртии. Ижевск, 2001. С. 344–345; *Васильев А. П.* К истории частного оружейного производства. Устинов, 1986. С. 97.

[12] Установление и упрочение Советской власти в Вятской губернии: Сб. документов. Киров, 1957. С. 68.

[13] Воткинск: Документы и материалы. 1758–1998. Ижевск, 1999. С. 131.

[14] Памятная книжка и адрес-календарь Вятской губернии на 1915 г. Вятка, 1915. С. 11.

[15] Там же. С. 7–77.

[16] Обзор Вятской губернии за 1914 г. Вятка, 1914. С. 135.

[17] Воткинск: Документы и материалы. С. 132.
[18] Глазов: Документы и материалы. Ижевск, 1992. С. 52.
[19] Рабочий класс Удмуртии. 1861–1986: Научно-популярный очерк. Ижевск, 1987. С. 18.
[20] Кама. 1916. 7 окт.
[21] Памятная книжка и адрес-календарь Вятской губернии на 1915 г. С. 59.
[22] Обзор Вятской губернии за 1914 г. С. 82.
[23] ЦГА УР, ф. 92, оп. 1, д. 183, л. 2.
[24] Вятская речь. 1917. 24 янв.
[25] Россия в Первой мировой войне 1914–1918 гг. М., 1925. С. 49.
[26] *Шумилов Е. Ф.* Забытый герой забытой войны // Удмуртская правда. 1993. 2 февр.
[27] Ижевск: Документы и материалы. 1760–1985. Ижевск, 1984. С. 69–70.
[28] *Родионов Н. А.* Интернационализм трудящихся Удмуртии. Ижевск, 1982. С. 9.
[29] *Родионов Н. А.* Зарубежные связи Удмуртии. Ижевск, 1999. С. 238.
[30] *Элерт А.* Глазовцы // Навечно в памяти народной. Устинов, 1986. С. 106–129.
[31] Глазов: Исторический очерк. Ижевск, 1980. С. 92–93.
[32] Вятская речь. 1917. 14 апр.
[33] Вятская речь. 1917. 8 марта.
[34] Вятская речь. 1917. 30 марта.
[35] Сарапул: Документы и материалы. Ижевск, 1987. С. 73.
[36] Там же. С. 74.
[37] *Дмитриев П. Н.* Некоторые тенденции развития партийно-политической системы в Удмуртии в 1917 г. // Урал на пороге третьего тысячелетия. Екатеринбург, 2000. С. 292.
[38] Там же. С. 294.
[39] Ижевск: Документы и материалы. Ижевск, 1984. С. 75; *Дмитриев П. Н.* Классовая борьба в Ижевско-Воткинском районе весной – летом 1918 года // Гражданская война в Удмуртии. Ижевск, 1988. С. 34–36.
[40] См.: Борьба за победу Великой Октябрьской социалистической революции в Пермской губернии: Документы и материалы. Молотов, 1957. С. 512; Крестьянская газета Вятского губернского земства. 1917. 28 нояб. – 1 дек.; См.: Вестник кооперации. 1918. № 3–4. С. 104; Журналы заседаний I съезда представителей союзов служащих продовольственных организаций Вятской губернии. Вятка, 1918. С. 38; ЦДНИ УР, ф. 350, оп. 6, д. 50, л. 62.
[41] Кама. 1917. 16, 25, 29 нояб.
[42] *Обухов Л. А.* Советы Урала в 1917 году. Пермь, 1992. С. 79.
[43] ЦГА УР, ф. 212, оп. 1, д. 11247, л. 101 об., 102.
[44] Октябрьская социалистическая революция в Удмуртии: Сб. документов и материалов (1917–1918 гг.). Ижевск, 1957. С. 386; ЦГА УР, ф. Р-41, оп. 1, д. 25, л. 2, 13.
[45] Кама. 1917. 4 нояб.
[46] Там же. 1917. 3 нояб.
[47] Ижевская рабочая газета. 1917. 21 нояб.; Кама. 1917. 19 нояб.
[48] ЦДНИ УР, ф. 352, оп. 1, д. 97, л. 2.
[49] Там же. Д. 17, л. 131; д. 76, л. 38.
[50] Известия Ижевского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 1918. 23 марта.
[51] ЦГА УР, ф. Р-1017, оп. 1, д. 7, л. 175.
[52] *Садырина Е. С.* Октябрь в Вятской губернии. Киров, 1957. С. 118; Очерки истории Удмуртской организации КПСС. Ижевск, 1968. С. 115; Народная воля. Известия Елабужского Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов. 1918. 28/14 апр.
[53] Известия Московского Народного банка. 1918. № 5–6. С. 111; Урал и Прикамье. Париж, 1982. С. 516; ЦДНИ УР, ф. 350, оп. 6, д. 355, л. 156–156 об.
[54] ГАКО, ф. Р-876, оп. 1, д. 11, л. 57, 82, 93–94, 96, 104; *Садырина Е. С.* Октябрь в Вятской губернии. С. 120; Известия Пермского губернского исполнительного комитета Советов рабочих и солдатских депутатов. 1918. 1 мая; Известия Уральского областного Совета. 1918. 17 июля; Октябрьская социалистическая революция в Удмуртии: Сб. документов и материалов (1917–1918 гг.). Ижевск, 1957. С. 135, 256.
[55] Архив НМУР, 391/1–4, л.1–2; ЦГА УР, ф. 342, оп. 1, д. 3, л. 42; ф. 212, оп. 1, д. 11241, л. 325 об.
[56] РГВА, ф. 8, оп. 1, д. 154, л. 33 об., 57.
[57] *Дмитриев П. Н.* Солдатские союзы в Удмуртии. Канун гражданской войны (формирование, социальный состав, отношения с партиями) // Музей: история и современность: Сб. статей. Ижевск, 2000. С. 240–241.
[58] Очерки истории Удмуртской АССР. Ижевск, 1962. Т. 2. С. 36.
[59] ЦГА УР, ф. Р-41, оп. 1, д. 25, л. 3 об.
[60] Очерки истории Удмуртской АССР. Ижевск, 1962. Т. 2. С. 38.
[61] Известия Пермского губернского исполнительного комитета ... 1918. 1 мая; ЦГА УР, ф. 212, оп. 1, д. 11241, л. 141–141 об.; Протоколы Всероссийского учредительного съезда союзов металлистов. 15–19 янв. 1918. М., 1919. С. 52.
[62] Вестник профессиональных союзов Урала. 1918. № 4. С. 5, 21; ЦГА УР, ф. Р-197, оп. 1, д. 22, л. 2; ф. Р-41, оп. 1, д. 25, л. 10 об., 12; д. 21, л. 151 об.; ф. Р-204, оп. 44, д. 11, л. 3.
[63] Воткинск: Документы и материалы. С. 135.
[64] Известия Пермского губернского исполнительного комитета... 1918. 25 (12) апр.
[65] *Мусихин В. Е.* Вятские крестьяне в начале XX века // Энциклопедия Земли Вятской. Киров, 1995. Т. 4. С. 297.

[66] ЦГА УР, ф. Р-41, оп. 1, д. 21, л. 151 об., 184.

[67] *Дмитриев П. Н.* К вопросу о факторах роста социальной напряженности в промышленных центрах Удмуртии весной – летом 1918 г. // Государство и общество: Проблемы федерализма и самоуправления: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ижевск, 14–15 января 1999. Ижевск, 1999. С. 86–87.

[68] Максималист. 1918. № 7. С. 9. (Москва).

[69] ЦДНИ УР, ф. 352, оп. 1, д. 78, л. 18.

[70] ЦГА УР, ф. Р-1017, оп. 1, д. 1, л. 44–44 об.; Рабочий класс Удмуртии. С. 47.

[71] Там же. С. 48; *Садырина Е. С.* Октябрь в Вятской губернии. С. 178–179.

[72] ЦГА УР, ф. Р-1061, оп. 1, д. 12, л. 6 об.

[73] Там же. Л. 9–11; ЦДНИ УР, ф. 350, оп. 6, д. 52, л. 4.

[74] Очерки истории Удмуртской АССР. Ижевск, 1962. Т. 2. С. 40–41; *Садырина Е. С.* Октябрь в Вятской губернии. С. 176–177.

[75] ЦГА УР, ф. Р-204, оп. 44, д. 8, л. 160; НМУР, кор. 42, л. 458; ААС, ф. Р-238, оп. 1, д. 16, л. 5 об.; ЦДНИ УР, ф. 350, оп. 5, д. 52, л. 8 об.–9.

[76] *Бехтерев С. Л.* Эсеро-максималистское движение в Удмуртии. Ижевск, 1997. С. 55.

[77] ЦГА УР, ф. 204, оп. 44, д. 214, л. 4.

[78] ГАРФ, ф. 382, оп. 4, д. 214, л. 4.

[79] Рабочий класс Удмуртии. С. 48.

[80] ГАКО, ф. Р-791, оп. 1, д. 203, л. 9.

[81] ЦГА УР, ф. Р-98, оп. 1, д. 791, л. 4; ГАКО, ф. Р-791, оп. 1, д. 203, л. 9.

[82] ЦГА УР, ф. Р-911, оп. 1, д. 4, л. 5 об.; ГАКО, ф. Р-791, оп. 1, д. 181, л. 2.

[83] ЦГА УР, ф. Р-89, оп. 1, д. 1, л. 26 об.; ЦДНИ УР, ф. 352, оп. 1, д. 78, л. 18; Народная воля. 28 апр.

[84] Протоколы Всероссийского учредительного съезда союзов металлистов. С. 52; Октябрьская социалистическая революция в Удмуртии. С. 241.

[85] Известия Ижевского Совета... 1918. 9 апр.

[86] Протоколы Всероссийского учредительного съезда союзов металлистов. С. 112.

[87] Октябрьская социалистическая революция в Удмуртии. С. 314–315; Рабочий класс Удмуртии. С. 48, 50–51; Известия Вятского губернского исполнительного комитета. 1918. 30 июля.

[88] Рабочий класс Удмуртии. С. 51.

[89] Там же. С. 51–52.

[90] *Садырина Е. С.* Октябрь в Вятской губернии. С. 162, 164; *Никитина Г. А.* Удмуртская община в советский период. Ижевск, 1998. С. 21; ЦГА УР, ф. Р-204, оп. 44, д. 11, л. 4. Октябрьская социалистическая революция в Удмуртии: Сб. документов и материалов (1917–1918 гг.). Ижевск, 1957. С. 218–219, 227, 232.

[91] *Никитина Г. А.* Удмуртская община в советский период. С. 22.

[92] *Кириллов И. А.* Очерки землеустройства за три года революции: 1918–1920. Пг., 1922. С. 149.

[93] *Садаков М. А.* Мероприятия партийных и советских организаций по социалистическому преобразованию сельского хозяйства в Удмуртии (1917–1918 гг.) // Записки УдНИИ. Ижевск, 1957. Вып. 18. С. 7, 9.

[94] *Садырина Е. С.* Октябрь в Вятской губернии. С. 167; Октябрьская социалистическая революция в Удмуртии: Сб. документов и материалов (1917–1918 гг.). Ижевск, 1957. С. 254.

[95] Октябрьская социалистическая революция в Удмуртии. С. 284.

[96] ААС, ф. Р-106, оп. 1, д. 20, л. 44, 64; Октябрьская социалистическая революция в Удмуртии: Сб. документов и материалов (1917–1918 гг.). Ижевск, 1957. С. 253.

[97] ААС, ф. Р-106, оп.1, д. 20, л. 44, 64.

[98] Там же. Л. 44; ЦГА УР, ф. Р-563, оп.1, д. 2, л. 30.

[99] *Френкин М. С.* Трагедия крестьянских восстаний в России 1918–1921 гг. Иерусалим, 1987. С. 19.

[100] Очерки истории Удмуртской АССР. Ижевск, 1962. Т. 2. С. 44; ЦГА УР, ф. 330, оп. 1, д. 1, л. 177, 229.

[101] Подсчитано по: Хозяйственные районы Европейской России. Таблицы. СПб., 1914. Вып. 2. С.10, 51, 81.

[102] Цит. по: *Никитина Г. А.* Удмуртская община в советский период. С. 137.

[103] ГАКО, ф. Р-876, оп. 1, д. 92, л. 78.

[104] Там же. Л. 77–77 об.

[105] ЦДНИ УР, ф. 350, оп. 2, д. 96, л. 46.

[106] *Садырина Е. С.* Октябрь в Вятской губернии. С. 170.

[107] ГАКО, ф. Р-875, оп. 1, д. 4, л. 16.

[108] Там же.

[109] См.: Известия Малмыжского Совета крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов. 1918. 13 нояб.; ЦГА УР, ф. Р-223, оп. 1, д. 3, л. 16.

[110] ГАКО, ф. Р-876, оп. 1, д. 9, л. 15 об.

[111] Подсчитано по: Статистический справочник по аграрному вопросу. М., 1922. Вып. 3: Сельское хозяйство 1918–1920 гг. С. 13–15, 18; Очерки Удмуртской АССР. Ижевск, 1962. Т. 2. С. 45; Известия Уральского областного Совета... 20 июля.

[112] ГАКО, ф. Р-875, оп. 1, д. 4, л. 40–40 об.

[113] Подробнее см.: *Дмитриев П. Н., Куликов К. И.* Мятеж в Ижевско-Воткинском районе. Ижевск, 1992. С. 37–38.

[114] Искра. 1918. 2 февр. (Воткинск).

[115] Народное дело. 1917. 29 окт. (Вятка).

[116] Труженик. 1918. 22 июня. (Сарапул).

[117] Путь. 1918. 7 апр. (Воткинск); ЦГА УР, ф. Р-1061, оп.1, д.17, л. 7.

[118] См.: *Рычкова Г. П.* Красная гвардия на Урале. Свердловск; М., 1933. С. 52–53.

[119] *Зубарева Л. А.* Хлеб Прикамья. Борьба трудящихся Прикамья за хлеб в годы иностранной интервенции и гражданской войны. Ижевск, 1967. С. 18.

[120] Там же. С. 25.

[121] ГАКО, ф. Р-885, оп. 1, д. 14, л. 121 об.–122.

[122] ГАРФ, ф. 130, оп. 2, д. 579, л. 38–38 об.

[123] ЦДНИ УР, ф. 352, оп. 1, д. 17, л.166–166 об.

[124] ГАКО, ф. Р-876, оп. 1, д. 92, л. 100–101 об.; ЦГА УР, ф. Р-534, оп. 1, д. 69, л. 51.

[125] Там же. Ф. Р-41, оп. 111, д. 70, л. 4, д. 65, л. 192–193.

[126] *Рихтер З.* Поход ОСЕВЭКА. М.,1933. С. 131–133.

[127] ЦГА УР, ф. Р-197, оп. 1, д. 9, л. 38; ф. Р-41, оп. 1, д. 70, л. 23 об.; ЦДНИ УР, ф. 350, оп. 2, д. 96, л. 63, 77.

[128] ГАКО, ф. Р-875, оп. 1, д. 141, л. 376; *Паздников Н. Ф.* Борьба за Пермь. Пермские события в гражданской войне. Пермь, 1988. С. 13.

[129] ГАРФ, ф. 130, оп. 2, д. 579, л. 46 об.

[130] ЦДНИ УР, ф. 350, оп. 6, д. 52, л. 136–137.

[131] Там же, ЦГА УР, ф. Р-41, оп. 1, д. 5, л. 235.

[132] ГАКО, ф. Р-876, оп. 1, д. 92, л. 78.

[133] ЦГА УР, ф. Р-197, оп. 1, д. 1, л. 42–42 об.; Известия Пермского губернского исполнительного комитета... 21 сент.; ЦДНИ УР, ф. 350, оп. 2, д. 96, л.143.

[134] Вятское народное хозяйство. 1918. № 6–7. С. 44; *Дмитриев П. Н.* Классовая борьба в Ижевско-Воткинском районе весной – летом 1918 г. // Гражданская война в Удмуртии. Ижевск, 1988. С. 42–44; ГАКО, ф. Р-876, оп. 1, д. 79, л. 396.

[135] *Дмитриев П. Н.* К вопросу о факторах роста социальной напряженности в промышленных центрах Удмуртии весной – летом 1918 г. // Государство и общество: проблемы федерализма и самоуправления: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ижевск. 14–15 января 1999 г. Ижевск, 1999. С. 86–93.

[136] ЦГА СА, ф. 169, оп. 1, д. 114, с. 204–205.

[137] ЦГА УР, ф. Р-390, оп. 1, д. 30, л. 555.

[138] *Ефимов А. Г.* Ижевцы и воткинцы: борьба с большевиками. 1918–1920 гг. California, 1975. С. 18.

[139] ЦГА УР, ф. Р-1017, оп. 1, д. 1, л. 166; ф. Р-1061, оп. 1, д. 17, л. 21.

[140] Вятская правда. 1918. 7 нояб.

[141] Известия 2-й армии. 1918. 7 дек.; ЦДНИ УР, ф. 350, оп. 6, д. 52, л. 21–26 об.

[142] Воткинская жизнь. 1918. 24 сент.; ЦГА УР, ф. Р-89, оп. 1, д. 1, л. 151 об.; Воткинский краеведческий музей, д. 1613, л. 20–22. Далее в ссылках: ВКМ.

[143] ЦГА УР, ф. Р-1061, оп. 1, д. 13, л. 3; Ижевский защитник. 1918. 23 авг. и 10 сент.

[144] ЦГА УР, ф. Р-89, оп. 1, д. 1, л. 15 об.; ВКМ, д. 1613, л. 20, 22.

[145] *Мельников Ф.* Отряд Чеверева // Былое Урала. Уфа, 1924. № 4. С. 128.

[146] *Гутман-Ган А.* Россия и большевизм. Шанхай, 1921. С. 272.

[147] *Ладухин В. В.* Азин. М., 1967. С. 33.

[148] *Шабалин В. И.* История двух телеграмм // История СССР. 1972. № 6. С. 217.

[149] *Куликов К. И.* В боях за Советскую Удмуртию. Ижевск, 1982. С. 92.

[150] ААС, ф. Р-238, оп. 1, д. 9, л. 25; Красный воин. 1918. 27 дек.

[151] ГАКО, ф. Р-489, оп. 1, д. 2, л. 58; ЦГА УР, ф. Р-785, оп. 1, д. 4, л. 44.

[152] ЦДНИ УР, ф. 352, оп. 1, д. 70, л. 4–5; *Аникст А.* Организация рынка труда в России // Два года диктатуры пролетариата. 1917–1919. М., б. г. С. 44.

[153] Красная мысль. 1919. 17 янв. (Воткинск); *Голобородкина Л. И.* Роль Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в разгроме кулацко-эсеровской контрреволюции летом – осенью 1918 г. // Гражданская война на Урале. Челябинск, 1983. С. 42.

[154] ЦДНИ УР, ф. 54, оп. 1, д. 2, л. 1 об., 7.

[155] ЦДНИ УР, ф. 2, оп. 1, д. 5, л. 6, 38, 46.

[156] Там же. Ф. 352, оп. 1, д. 91, л. 3.

[157] ЦГА УР, ф. 390, оп. 1, д. 15, л. 132 об.; ГАКО, ф. Р-875, оп. 1, д. 144, л. 217.

[158] ЦДНИ УР, ф. 350, оп. 6, д. 52, л. 8–9 об.

[159] ЦДНИ УР, ф. 54, оп. 1, д. 2, л. 3 об., 15.

[160] ЦГА УР, ф. Р-390, оп. 1, д. 15, л. 273, 279.

[161] ГАКО, ф. Р-875, оп. 1, д. 144, л. 217.

[162] ЦГА УР, ф. Р-342, оп. 1, д. 3, л. 156–157; *Френкин М. С.* Трагедия крестьянских восстаний в России. 1918–1921. Иерусалим, 1987. С. 85.

[163] 2 армия в боях за освобождение Прикамья и Приуралья. 1918–1919: Документы. Устинов, 1987. С. 140, 154–155, 181.

[164] ЦДНИ УР, ф. 12, оп.1а, д. 15, л. 82 об.

[165] Очерки истории Удмуртской организации КПСС. С. 148–149.

[166] Наш Урал (Горный край). Екатеринбург, 1919. 16 апр.

[167] *Макаров Ф. П.* Октябрь и гражданская война в Удмуртии. Ижевск, 1932. С. 105; Рабочий класс Удмуртии. С. 73.

[168] Отчий край: Исторические очерки об Осе и Осинском районе Пермской области. Пермь, 1991. С. 153.

[169] *Макаров Ф. П.* Октябрь и гражданская война в Удмуртии. С. 105; *Александров А. А.* В борьбе и труде. Ижевск, 1972. С. 63; ЦГА УР, ф. Р-30, оп. 2, д. 2361, л. 8; Ижевская правда. 1919. 16 авг.

[170] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 38. С. 268.

[171] Удмуртская Республика: Энциклопедия. Ижевск, 2002. С. 61.

[172] Воткинск: Документы и материалы. С. 178.

[173] *Бехтерева Л. Н.* Рабочие оборонной промышленности Удмуртии в 1920-е годы. Ижевск, 1999. С. 80.

[174] Подробнее см.: Очерки истории Удмуртской АССР. Т. 2. С. 79; Рабочий класс Удмуртии. С. 78, 80–82.

[175] Очерки истории Удмуртской организации КПСС. С. 157, 165; ЦДНИ УР, ф. 91, оп. 1, д. 1, л. 10 об.

[176] ЦГА УР, ф. Р-1440, оп. 3, д. 116, л. 50; Сборник статистических сведений по Союзу ССР. С. 425; Рабочий класс Удмуртии. С. 80; Очерки истории Кировской организации КПСС. Горький, 1969. Ч. 2. С. 78.

[177] Рабочий класс Удмуртии. С. 80.

[178] ЦГА УР, ф. Р-1440, оп. 3, д. 121, л. 82; д. 116, л. 68.

[179] ЦГА УР, ф. Р-1440, оп. 3, д. 116, л. 61 об.

[180] *Никитина Г. А.* Удмуртская община в советский период. С. 89–90; *Васильева О. И.* Национальная политика и русско-удмуртские взаимоотношения в первой четверти XX века // Государство и общество. 2001. № 1. С. 153–154; ЦГА УР, ф. Р-1440, оп. 3, д. 121, л. 84.

[181] ЦГА УР, ф. Р-331, оп. 3, д. 12, л. 74.

[182] ЦГА УР, ф. Р-30, оп. 1, д. 891, л. 4, 5 об., 145 об.; ф. Р-331, оп. 3, д. 12, л. 74.

[183] ЦДНИ УР, ф. 350, оп. 2, д. 126, л. 358; ЦГА УР, ф. Р-1061, оп. 1, д. 22, л. 1, 2; *Бехтерев С. Л.* Эсеро-максималистское движение в Удмуртии. С. 133–134.

[184] ЦГА УР, ф. Р-326, оп. 1, д. 4, л. 84, 86, 88 об.

Оглавление

Введение (*Л. Н. Бехтерева, О. И. Васильева, Н. А. Родионов*) 5
Список сокращений 19
Часть первая. Удмуртия в первой половине XX века (*К. И. Куликов, О. И. Васильева, П. Н. Дмитриев, Л. Н. Бехтерева, И. К. Калинин, В. С. Воронцов, Н. А. Родионов*)
Глава первая. В годы войн и революций (1914–1920) 23
От Первой мировой до Октябрьской социалистической (1914–1917 годы) 23
Октябрьская революция и Гражданская война в Удмуртии 42
Глава вторая. Новая экономическая политика 93
Национально-государственное строительство 93
Промышленность. Предпринимательство. Сельское хозяйство 111
Общественно-политическая жизнь 133
Социально-культурное развитие 140
Глава третья. В условиях индустриального обновления (конец 1920-х – 1930-е годы) 156
Административно-территориальное деление. Образование УАССР 156
Промышленное развитие 161
Коллективизация 177
Общественно-политическая жизнь 194
Социальная политика 203
Народное образование и культура 210
Глава четвертая. Удмуртия в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) 223
Развитие экономики в условиях военного времени 223
Участие Удмуртии в оказании помощи фронту, тыловым и освобожденным районам страны 244
Общественно-политическое и культурное развитие 262
Социально-культурная сфера 263

Часть вторая. Удмуртия во второй половине XX века (*Н. А. Родионов, Л. Н. Бехтерева, С. Л. Бехтерев*)
Глава пятая. Послевоенный период (1945–1955 годы) 281
Особенности экономического развития 281
Социальная политика 313
Общественно-политическая и культурная жизнь 324
Глава шестая. Вторая половина 1950-х – первая половина 1960-х годов. Реформы Н. С. Хрущева 340
Изменения в общественно-политической жизни 340
Развитие промышленности 344
Преобразования в сельском хозяйстве 353
Социальная политика 358

Перестройка образования 364
Культура и наука 374
Глава седьмая. Удмуртия в середине 1960-х – первой половине 1980-х годов 387
Экономика. Тенденции и противоречия 387
Общественно-политические процессы 409
Социальная сфера 416
Образование и наука 423
Культура и искусство 427
Глава восьмая. Время перемен (вторая половина 1980-х–1990-е годы) 435
Общественно-политическая жизнь 435
Политические изменения в Удмуртии (1993–2000 годы) 452
Трансформация экономики 469
Социальные проблемы 482
Развитие системы образования 491
Культура и наука 497
На пороге XXI века (*материалы пресс-службы Президента и Правительства Удмуртской Республики*) 510
Хроника событий 516
Рекомендуемая литература 535